

Мартин МакДонах

ЧЕЛОВЕК-ПОДУШКА

The Pillowman. © Martin McDonagh. 2003

Перевод с английского Павла Руднева

Пьеса «Человек-подушка» была впервые представлена в зале Коттесло Национального театра Великобритании в Лондоне 13 ноября 2003 года. Режиссер Джон Кроули.

Действующие лица

**Тупольски
Катурян
Ариэль
Михал
Мать
Отец**

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Комната для дознания в полицейском участке. Катурян сидит за столом, в центре комнаты, с завязанными глазами. Тупольски и Ариэль входят и садятся напротив него. У Тупольски в руках металлический контейнер с большим числом документов.

Тупольски. Мистер Катурян, это детектив Ариэль, я - детектив Тупольски... Господи, ну кто это вам нацепил?

Катурян. Что?

Тупольски снимает повязку.

Тупольски. Кто на вас надел эту дрянь?

Катурян. Мммм... Ваш человек.

Тупольски. Сами снять не могли? Идиотский вид.

Катурян. Я не был уверен, что имею право снять повязку.

Тупольски. Идиотский вид у вас, понятно?

Катурян. (пауза) Да.

Тупольски. (пауза) Итак, как вы уже слышали, это детектив Ариэль, а я - детектив Тупольски.

Катурян. Понял. Я хочу сказать вам сразу. Я бесконечно уважаю вас и то дело, которым вы занимаетесь. Я буду рад помочь вам во всем, что окажется в моих силах. Я глубоко уважаю вашу работу.

Тупольски. Что ж... Приятно слышать.

Катурян. Я не из этих... Ну, вы меня понимаете?

Тупольски. Из каких «этих»? Я не понимаю.

Катурян. Не из тех, кто не признает полицию. У меня никогда не было проблем с правопорядком. Ни разу, за всю мою жизнь. И я...

Ариэль. Ни разу до сегодняшнего дня, правильнее было бы сказать.

Катурян. А?

Ариэль. Повторяю для тупых. У тебя ни разу не было проблем с правопорядком - до сегодняшнего дня. Так надо было сказать.

Катурян. А разве у меня проблемы?

Ариэль. А, как вы думаете, почему вы здесь?

Катурян. Думаю, я должен помочь вам в каком-то расследовании.

Ариэль. То есть мы тут такие добрые друзья твои? Привели тебя сюда от нечего делать, погостишь у нас... по старой дружбе...

Катурян. Вы не мои друзья, нет...

Ариэль. Тебе прочли твои права. Тебя вытащили из дома. Повязали на глаза эту чертову повязку. Кто так поступает с хорошими друзьями?

Катурян. Нет, мы не друзья. Но я имел в виду, что мы и не враги.

Ариэль. (пауза) Слушай, я сейчас ебну его со всей дури. Он доиграется.

Катурян. (пауза) А?

Ариэль. Я невнятно говорю? Ты тоже не разобрал, Тупольски?

Тупольски. Нет, я разобрал. Все было ясно.

Ариэль. Мне тоже кажется, что я говорю доходчиво.

Катурян. Не надо... Я отвечу на все ваши вопросы. Вы не должны...

Ариэль. «Ты ответишь на все наши вопросы»... Еще не было никаких вопросов! «Ты ответишь на все наши вопросы»... Вопрос пока был только один: «Мы долго будем ходить вокруг да около и ебать друг другу мозги?» Вот мой тебе вопрос.

Катурян. Я совсем не хочу раздражать вас, напротив, я готов ответить на все ваши вопросы.

Тупольски. Ну что, начнем тогда?

Не спуская глаз с Катуряна, Ариэль прислоняется к стене, закуривает сигарету.

Почему, на ваш взгляд, мы привели вас сюда? У вас же должны быть какие-нибудь предположения.

Ариэль. Слушай, а может мы прямо сейчас его, а? Выбьем раз и навсегда все это говно.

Катурян. Что?!

Тупольски. Ариэль, кто здесь начальник – ты или я? *(пауза)* Спасибо. Не обращайтесь на него внимания. Ну так и каковы ваши предположения?

Катурян. Ломаю голову, но не могу понять.

Тупольски. Ломаешь голову и не может понять?

Катурян. Нет.

Тупольски. Так, да или нет?

Катурян. Да.

Тупольски. Разве?

Катурян. Я ничего такого не делал. Я не сделал ничего, что могло бы привлечь внимание полиции. Я не предпринимал никаких действий против государства...

Тупольски. Ты сломал голову, но так и не смог придумать ни одной, даже самой малой причины, по которой ты оказался здесь.

Катурян. На самом деле одна причина есть или даже, нет, не причина... а одна мысль, которая могла бы быть как-то связана с делом, хоть я не понимаю, какая тут может быть связь.

Тупольски. Какая связь? Между чем и чем? Или между кем и кем?

Катурян. Какая? Все, что я знаю, это то, что вместе со мной вы забрали мои бумаги, и сейчас они в ваших руках. Это все, что приходит мне в голову.

Тупольски. В наших руках? Вы что читали бумаги, которые лежат на столе?

Катурян. Нет, я не читал...

Тупольски. Эти бумаги, чтоб вы знали, помечены грифом «совершенно секретно».

Катурян. Я вижу только заголовки. Мельком.

Тупольски. У вас что, периферийное зрение?

Катурян. Да.

Тупольски. Подождите, для того, чтобы включилось ваше периферийное зрение, вы по крайней мере должны сидеть вот так... *(Тупольски поворачивается боком и сильно скашивает глаза на бумаги.)* Вот так. Боком. Вот так.

Катурян. Я имел виду...

Тупольски. Смотрите. Боком. Вот так, ясно?..

Катурян. Я вижу периферийным зрением нижней частью глаза.

Тупольски. А... *Нижней* частью глаза...

Катурян. Этому феномену пока нет названия.

Тупольски. Да, еще не придумали. *(Пауза.)* Так какая же связь между вашими бумагами и тем, почему вы оказались здесь? Ведь это же не преступление – писать рассказы.

Катурян. Это единственное, что я могу предположить.

Тупольски. При наличии, конечно, некоторых ограничений.

Катурян. Конечно.

Тупольски. Например, государственной безопасности. Безопасности всяких

там общественных, как уж там... Хотя я даже не могу назвать это ограничениями.

Катурян. Да, и я бы не назвал.

Тупольски. Это просто-таки на просто важнейшие принципы.

Катурян. Да, директивы.

Тупольски. Есть у нас определенные принципы. Основы безопасности. А так, конечно, писать рассказы – это не преступление само по себе.

Катурян. Это единственное, что я могу предположить. Только это.

Тупольски. А что, это?

Катурян. Я понимаю вас, я согласен. Вы прочли их. И в моих рассказах, наверное, вы обнаружили не совсем правильные слова: «Полицейские такие-сякие» или там «Правительство эдакое-разэдакое». Всякие политические... как бы их назвать? Типа «правительство должно сделать это и то...» Ясно. Не надо... Забудьте. Понимаете, о чем я? Я говорю о том, что если ты преследуешь какие-то корыстные политические цели, если у тебя есть какие-то политические бредни, то иди и пиши говенные эссе в газету. Я же стою совсем на другой позиции. Будь ты политиком левым или правым, если ты сел за перо, то расскажи нам историю! Понимаете? Один великий человек сказал: «Первый долг писателя – рассказать историю», и я всем сердцем верю в это. «Первый долг писателя – рассказать историю». Или все-таки так: «*Единственный* долг писателя – рассказать историю»? Нет, все-таки именно так: «*Единственный* долг писателя – рассказать историю»! Сейчас не вспомню точную формулировку, но все равно я придерживаюсь именно этой мысли. Я рассказываю истории. Никаких политических лозунгов, вообще никаких лозунгов! Никакой социальности в помине! Именно поэтому я не понимаю почему, зачем вы меня сюда привели, не могу понять причину, кроме той, политической, случайной, или, вернее, которая вам *показалась* политической. Покажите мне эту причину. Где она, черт ее побери, у вас? Вынимайте. Я тут же растопчу ее. Сожгу. Давайте, не тяните, а?

Пауза. Тупольски всматривается в Катуряна.

Вы понимаете, о чем я говорю?

Тупольски. Нам нужно заполнить один бланк. Эта бумага потребуется, если с вами что-то приключится под арестом. (*Пауза.*) Мне кажется, тут какая-то ошибка в вашем имени. Ваша фамилия - Катурян?

Катурян. Да.

Тупольски. Но тут написано, что Катурян – это ваше имя.

Катурян. Мое имя - Катурян.

Тупольски. (*пауза*) Ваше имя Катурян?

Катурян. Да.

Тупольски. И фамилия Катурян?

Катурян. Да.

Тупольски. Вас зовут Катурян Катурян Катурян?

Катурян. Мои родители были забавными.

Тупольски. Да... А второе имя?

Катурян. Тоже на «Ка».

Тупольски смотрит на него. Катурян качает головой и пожимает плечами.

Тупольски. Вас зовут Катурян Катурян Катурян?

Катурян. Мои родители были забавные люди, я же говорю.

Тупольски. Да уж. Особенно если понимать под словом «забавные»

«редкостные идиоты».

Катурян. Не стану спорить с вами.

Тупольски. И вы живете по адресу: Каменец, 4443?

Катурян. Да.

Тупольски. С вами живет...

Катурян. Мой брат. Михал.

Тупольски. Михал? Странно, что не Катурян.

Ариэль. Твой брат, кажется, debil.

Катурян. Мой брат не debil. До него просто иногда медленно доходит.

Ариэль. Хорошо. До него медленно доходит.

Тупольски. Он твой ближайший родственник?

Катурян. Михал? Почему родственник? Он брат.

Тупольски. Это все лишь формальности, Катурян. Понимаете? *(Пауза.)* Ваше место работы?

Катурян. Скотобойня в Каменце.

Ариэль. Ты же писатель...

Катурян. Ну и что же... Это не так плохо.

Тупольски. И вам нравится эта работа?

Катурян. Нет, но не так уж это и плохо.

Ариэль. Резать животных.

Катурян. Я никого не режу. Только мою.

Ариэль. А, ты не режешь... Только моешь.

Катурян. Да.

Ариэль. Ясно.

Катурян. Только мою.

Ариэль. Только моешь. Не режешь.

Катурян. Да.

Ариэль. Понятно.

Пауза. Тупольски откладывает ручку в сторону, разрывает бумагу, которую только что составлял, на две половинки.

Тупольски. Не думайте, это не бланк, он *не пригодится* нам в том случае, если с вами что-то приключится под арестом. Мы тебя обманули.

Катурян. А что же это было?

Тупольски. Это был простой кусок бумаги, который я разорвал пополам.

Тупольски быстро просматривает бумаги в контейнере и находит документ, который он искал.

Вот. Рассказ «Маленькие яблочные человечки».

Катурян. Ну и что?

Ариэль ленивой походкой возвращается к столу, садится, гасит сигарету. Тупольски просматривает текст.

Это не лучшая моя вещь. *(Пауза.)* Хотя, конечно, довольно милая.

Тупольски. Эта история начинается так. Жила-была маленькая девочка и у нее был отец, который очень дурно с ней обращался...

Катурян. Он избивал ее. Он...

Тупольски. У вас, кажется, много таких исто... И что он?

Катурян. Кто?

Тупольски. Отец.

Ариэль. Вы сказали: «Он...» и замолчали.

Тупольски. Что он олицетворяет?

Катурян. Он олицетворяет плохого отца. Он *был* плохим отцом. Почему вам кажется, что он должен что-то олицетворять?

Тупольски. Хорошо, он был плохим отцом.

Катурян. Да. Он систематически избивал свою дочь.

Тупольски. Поэтому, вы считаете, он был плохим отцом.

Катурян. Да.

Тупольски. Что еще он делал со своей дочкой, раз он, по-вашему, был «плохой отец»?

Катурян. Мне кажется, все подобные рассказы имеют этот важный мотив: отец плохо обращался со своей дочерью. Вы сами можете додумать окончание этой истории.

Ариэль. Вы считаете, что мы сами можем придумать финал?

Катурян. Чего?

Ариэль. Вы сейчас сказали, что мы сами можем придумать финал.

Катурян. Нет! Да!

Ариэль. Мы-то, конечно, *можем* догадаться о том, как ты завершаешь свои гнусные истории!

Катурян. Понимаю.

Ариэль. Что?

Катурян. Понимаю.

Ариэль. Что ты болтаешь, твою мать?

Ариэль резко встает и начинает ходить по комнате.

Тупольски. Ариэль погорячился. Разгадывать финал – это в некотором роде *наша работа*. (Пауза.) И самая важная для нас сегодня разгадка состоит в том, что в вашем творческом наследии немало историй о том, как с маленькой девочкой или маленьким мальчиком плохо обращались!

Катурян. Совсем немного. Немного.

Ариэль. Немного... Я бы сказал, охрентельно немного. Первые двадцать из тех, что мы просмотрели, начинались именно так: «с маленькой девочкой сделали это» или «с маленьким мальчиком сделали то»!

Катурян. Но это ничего не значит. Я не пытаюсь этим ничего сказать...

Ариэль. Чего не пытаетесь?

Катурян. Чего?

Ариэль. Не пытаетесь чего?

Катурян. Ну... Вы хотите намекнуть на то, что я пытаюсь в своих рассказах сказать, что дети - это что-то олицетворяет?

Ариэль. А что вы «пытаетесь сказать», что?

Катурян. Что дети – это весь наш многострадальный народ, вы к этому клоните, или к чему?

Ариэль. (подводя Катуряна к мысли) «Я пытаюсь сказать...» Он просто, черт побери, заставляет меня выговорить это. «Я пытаюсь сказать»... типа «Оставьте меня в покое, и я сам завершу свои истории!»

Катурян. Да ну нет же!

Ариэль. Он даже не дает нам договорить, он перебивает! Руки опусти, сука!

Ариэль берет Катуряна за волосы и силой стаскивает со стула, встает на колени перед ним и ехидно всматривается в лицо. Тупольски смотрит на это и вздыхает.

Тупольски. Всегда успеешь, Ариэль.

Ариэль отпускает Катурияна, тяжело дыша, и возвращается на свое место.

(Катурияну) Сядьте на место, пожалуйста.

Превозмогая боль, Катуриян садится.

Ариэль. Я забыл предупредить... Я хороший полицейский, а он – плохой. (Пауза.) Вернемся к литературе. Отец, как мы уже установили, плохо обращался со своей дочкой, и однажды девочка взяла несколько яблок и вырезала из них человечков. С маленькими пальчиками, маленькими глазками и маленькими ножками. Она подарила их отцу, попросив об одном одолжении: ни в коем случае *не есть* этих человечков. Девочка попросила папу оставить человечков на память о том времени, когда его дочка была маленькой. И эта свинья, ее отец, чтобы ей насолить, начал их пожирать. И тут же умер в страшных мучениях, потому что в каждого яблочного человечка девочка засунула острое бритвенное лезвие!

Катуриян. Нормальный финал. Такие истории всегда завершаются возмездием. Но это еще не конец.

Тупольски. Но это еще не конец. Девочка проснулась в ту же ночь, когда погиб ее отец. Яблочные человечки шагали по ее груди. Они открыли ей рот. Они сказали ей...

Катуриян. (неуверенным голосом) «Ты убила наших младших братьев...»

Тупольски. «Ты убила наших младших братьев...» Они спустились в ее горло. И она захлебнулась своей собственной кровью. Конец.

Катуриян. Это такой прием. Читателю кажется, что с ней это было во сне. А, на самом деле, нет. (Пауза.) А? Я же сказал, это не лучший мой рассказ.

Ариэль. Вы когда-нибудь бывали в еврейском квартале, Катуриян?

Катуриян. В еврейском квартале? Нет. Я всегда прохожу мимо него. Забираю брата из школы в Ламенце. Но это не еврейский квартал. Это рядом с ним.

Ариэль. Вы забираете своего брата... Он же старше вас, он что до сих пор учится в школе?

Катуриян. Это специальная школа. Там учатся трудные дети. (Пауза.) Это что все из-за евреев? Среди моих знакомых евреев нет.

Ариэль. Среди ваших знакомых нет евреев?

Катуриян. Я ничего не имею *против* евреев! Я не знаком *ни с одним* из них.

Ариэль. Но вы ничего не имеете *против* евреев?

Катуриян. Нет. А что, должен?

Тупольски. «А что, должен?» Отличный ответ. «А что, должен?» С одной стороны, трусливый и рабский, с другой стороны, очень ироничный, мутный и провоцирующий. «А что, должен?»

Катуриян. Мне совсем не хотелось вас провоцировать.

Тупольски. Стало быть, вы хотели показаться нам благонамеренным.

Катуриян. Нет же.

Тупольски. Теперь вы снова пытаетесь провоцировать. Сейчас Ариэль двинет тебе по роже...

Катуриян. Послушайте, я, правда, не понимаю, что здесь происходит. Я не понимаю, чего вы от меня ждете. Я ничего не имею против кого бы то ни было. Ни против евреев, ни против вас, ни против других людей. Я всего лишь писатель. Это все, в чем я виновен. Я этим живу. Я прихожу домой и тут же сажусь писать рассказы. Это все, что я могу сказать.

Ариэль встает, подходит к двери.

Ариэль. О, кстати, хорошо, что напомнил. Пойду поговорю с братом.

Ариэль выходит, Тупольски улыбается, Катурия смотрит на него недоумевающим, испуганным взглядом.

Катурия. Мой брат сейчас в школе.

Тупольски. У нас с Ариэлем есть отличная шутка. Мы любим говорить друг другу «о, кстати, хорошо, что напомнил» в самых неожиданных местах, когда на самом деле никто ни о чем не напоминал. Это очень забавно.

Катурия. Мой брат сейчас в школе.

Тупольски. Ваш брат сейчас за этой стенкой.

Катурия. (пауза) Он же страшно перепугается...

Тупольски. Вы, кажется, тоже немного испуганы.

Катурия. Да, испуган.

Тупольски. А что вас так пугает?

Катурия. Я испуган тем, что мой брат сейчас сидит без меня в незнакомой обстановке. Я испуган тем, что ваш коллега будет бить его. Я испуган тем, что потом он придет избивать меня. И пускай... то есть лучше бы он этого совсем не делал. Но если уж вам что-то не нравится в моих рассказах, то пусть он будет избивать меня. Моего брата легко испугать, он многого не понимает, он не имеет никакого отношения к моим рассказам, хотя я ему их часто читаю. Это ужасно несправедливо, что вы привели его сюда. Выпустите его отсюда! Слышите, вы! Сейчас же, вашу мать!

Тупольски. (пауза) Надеюсь, вы выпустили весь свой пар. Кричите на полицейского... Хотя права не имеете... Сразу видно, перенервничали... Успокойтесь. Хорошо? Вы что думаете, мы тут все звери?

Катурия. Нет.

Тупольски. Нет, мы не звери. Бывает, что мы *имеем дело* со зверьми. Но сами мы не звери. (Пауза.) С вашим братом все будет хорошо. Даю вам слово.

Тупольски берет еще один рассказ из контейнера.

«Три преступника на перепутье». Это не ваша тема, как я подозреваю.

Катурия. Какая еще тема, я не понимаю?

Тупольски. Понимаете вы все. «Униженные, оскорбленные дети» - вот ваша любимая тема.

Катурия. Это не моя тема. Просто некоторые мои рассказы посвящены этому. Но это не моя тема.

Тупольски. Вполне допускаю, что это непреднамеренно.

Катурия. У меня вообще нет тем. Я написал что-то около четырехсот рассказов и из них только около двенадцати о детях.

Тупольски. Об *убитых* детях, я уточняю.

Катурия. Ну и что же с того, что об убитых? Вы что же считаете, что я пишу о том, что надо всем идти и резать детей?

Тупольски. Я совсем не считаю, что вы пишете о том, что всем надо идти и резать детей. (Пауза.) Разве вы пишете о том, что надо всем идти и резать детей?

Катурия. Нет! Никакого насилия! Вы что, шутите? Я вообще ничего такого не хочу сказать! Ничего такого!

Тупольски. Знаю, знаю, слышал. Первый долг писателя это...

Катурия. Именно...

Тупольски. Да... да... да... Все ясно. Ну так вот, «Три преступника на перепутье»...

Катурия. Если в рассказах появляются дети, это случайность. Если в

рассказах появляется политика, это тоже случайность. *Второстепенный* фактор.

Тупольски. Минуточку. Я попросил бы вас не перебивать...

Катурян. Да, прошу прощения...

Тупольски. Если я вас попрошу о чем-то прямо или если я глазами потребую вас к ответу: «Давай, говори», только глазами, тогда вы будете иметь возможность говорить. Но если я что-то говорю вам и еще не закончил...

Катурян. Понимаю. Простите меня.

Тупольски. Вы снова за свое? Я вас о чем-то спросил? Мои глаза сейчас сказали вам: «Открой рот и говори»?

Катурян. Нет.

Тупольски. Нет. Так да или нет? *(Пауза.)* А? Вот *сейчас* я задал вам конкретный вопрос и мои глаза как бы подсказали вам: «Давай, говори».

Катурян. Простите. Я нервничаю.

Тупольски. Имеете право нервничать.

Катурян. Понял.

Тупольски. Вы меня не слышите. Я сказал: «Имеете *право* нервничать».

Катурян. Почему это?

Тупольски. *(пауза)* «Три преступника на перепутье». Что вы хотели сказать этой историей?

Катурян. Я ничего не хочу сказать. Это лабиринт, из которого нет выхода.

Тупольски. И *все-таки* каков выход?

Катурян. *(пауза)* Его нет. Это лабиринт, из которого *нет* выхода.

Тупольски. Мне кажется, выход должен быть. Или я попросту идиот.

Катурян. Да, вы правы. Моя идея состоит в том, что вас должно интересовать, есть ли выход из этой ситуации, но на самом деле здесь выхода нет. Потому что *нет* ничего хуже. Хуже, чем те два преступления, о которых там говорится.

Тупольски. Нет ничего хуже?

Катурян. *(пауза)* А разве не так?

Тупольски просматривает и пересказывает историю.

Тупольски. Человек очнулся в железной клетке, где его оставили умирать голодной смертью. Он помнит, что *совершил* преступление, за которое его наказали, но каким оно было, в памяти не сохранилось. Рядом с ним, на перепутье, он видит еще две клетки с преступниками. Над головой одного из них написано: «Насильник», над головой другого: «Убийца». Тело первого превратилось в пыльный скелет. Во второй клетке сидит едва дышащий старик. Наш герой силится прочесть табличку над *своей* головой, но не видит ее, поэтому он просит старика помочь ему вспомнить, что же он натворил. Старик смотрит на табличку, затем на героя и в приступе гнева плюет ему в лицо. *(Пауза.)* Приходят монашки. Молятся перед трупом насильника. Ага... Дают хлеб и воду старику-убийце. Ага... Затем читают табличку над головой третьего преступника. Бледнеют, бросаются в плач и поспешно убегают. *(Пауза.)* Приходит разбойник, ага... Скелет его явно не интересует. Увидев старика, он ломает клетку и выпускает убийцу на волю. Подходит к третьей клетке, читает. Сдержанно улыбается. Наш герой улыбается ему в ответ. Затем разбойник берет пистолет и стреляет ему прямо в сердце. Умирая, преступник кричит: «Умоляю, скажи хотя бы, что я натворил?!» Разбойник седлает лошадь и уезжает, не сказав ни слова. Последний вопрос, который смог задать наш герой, был таков: «В ад иду ли я теперь?» И последнее, что услышал он перед смертью, был тихий смех разбойника.

Катурян. Хорошая история. Для нее бы придумать какой-нибудь «изм»? А вот какой «изм» придумать? Не могу понять. Но на самом деле я не люблю

«измов». Но в этой истории нет ничего предосудительного. Вам так не кажется?

Тупольски. Нет, здесь нет ничего предосудительного. Здесь нет ничего, чтобы давало бы повод называть человека, который это написал, больным на всю голову, чёкнутым придурком. Отнюдь. Но для меня эта история... она как намек.

Катурян. Намек?

Тупольски. Да, намек.

Катурян. А...

Тупольски. Здесь говорится одно, а на самом деле оказывается, что говорится другое.

Катурян. Ммм...

Тупольски. Это намек. Понимаете?

Катурян. Да, понимаю. Это намек.

Тупольски. Намек. *(Пауза.)* Так вы говорите, это ваш лучший рассказ?

Катурян. Нет. Это *один из* моих лучших рассказов.

Тупольски. Ах, *один из* лучших. У вас таких много.

Катурян. Да. *(Пауза.)* Мой лучший рассказ – это «Город у реки». Вернее, «История о городе у реки».

Тупольски. Ваш лучший рассказ – «Город у реки»? Подождите, подождите, подождите...

Тупольски быстро находит нужный текст.

Вот... Нашел. Ах, да, понятно. Теперь мне кое-что стало ясно. Лучший ваш рассказ.

Катурян. А что такое? Тоже намек?

Тупольски внимательно смотрит на Катуряна.

Ну да, он единственный, который я смог опубликовать.

Тупольски. Нам это известно. Это единственный опубликованный вами рассказ.

Катурян. Давным-давно уже.

Тупольски. *(Посмеивается. Пауза.)* Его опубликовал «*Либертад*».

Катурян. Да.

Тупольски. «*Либертад*».

Катурян. Я, правда, не читал.

Тупольски. Вы не читали?

Катурян. Я везде посылаю свои рассказы в надежде на то, что их где-нибудь возьмут. Он вышел, а я даже не видел его в журнале.

Тупольски. Вы никогда не читали «*Либертад*»?

Катурян. Нет.

Тупольски. Это не запрещенный журнал. Вы имели право его читать.

Катурян. Знаю. Конечно, если у меня там рассказ. Знаю.

Тупольски. Там тоже звучит ваша тема. *(Пауза.)* Это «*Либертад*» заказал вам написать рассказ на эту тему? «Напишите-ка нам рассказ про бедного малышку»... «Напишите-ка нам что-нибудь про маленьких детишек, которых обижают родители». Так они сказали?

Катурян. Они дали только объем. Максимальный объем рассказа.

Тупольски. А тему вы выбрали сами?

Катурян. Да, тема моя.

Тупольски протягивает Катуряну рассказ.

Тупольски. Прочтите его.

Катурян. Весь?

Тупольски. Весь. Только встаньте.

Катурян встает.

Катурян. Как в школе просто.

Тупольски. Ммм... Ну разве только что, в школе за это не наказывают.

(Пауза.) Если, конечно, вы ходили в нормальную школу.

Пауза. Катурян начинает читать, наслаждаясь собственным стилем, смакуя точно найденные слова и повороты сюжета.

Катурян. (пауза) Так. «Однажды в крошечном городке с улицами, вымощенными кирпичом, на берегу быстрой реки, жил мальчишечка, который не слишком ладил с другими детьми. Они дразнили его, издевались над ним за одно лишь то, что был он беден, а родители его были горькими пьяницами. Ходил он всегда босой и в лохмотьях. Но мальчик, невзирая на все горести, был счастлив и любил мечтать. Он словно бы и не замечал насмешек и побоев, и ему совсем не в тягость было его бесконечное одиночество. Он знал, что у него доброе сердце, полное любви, и что когда-нибудь кто-нибудь где-нибудь почувствует дыхание этой любви и отплатит ему тем же. И вот однажды ночью, когда он сидел, под деревянным мостиком через реку, заживляя свои свежие ушибы, мальчик услышал, как в темноте к мосту по мощенной улице приближается повозка на лошадях. Когда она приблизилась, мальчик рассмотрел, что управлявший повозкой человек одет в черную-пречерную мантию и черный капюшон. Из-под него виднелось затененное грубое лицо. Тело мальчика задрожало от страха. Поборов свой страх, мальчик достал крошечный бутерброд, который был его единственным лакомством на всю эту долгую ночь. Когда повозка поравнялась с мостом, он предложил человеку в капюшоне разделить с ним трапезу. Человек остановил лошадей, кивнул головой в знак согласия, спустился к мальчику и сел напротив. Они стали есть и разговаривать. Человек в капюшоне спросил мальчика, почему его одежда так скудна и почему он бос и совершенно одинок, и мальчик рассказал ему о своей горестной, тяжелой судьбе. Осмелев, мальчик стал рассматривать повозку. Она была завалена сверху до низу пустыми клетками для зверей, все это отвратительно пахло и безобразно выглядело. Только мальчик почти уже осмелился спросить, для каких зверей предназначены эти клетки, человек поднялся и сказал, что ему пора. «Но прежде, чем я уйду, - шепотом сказал человек в капюшоне, - я хочу сделать для тебя доброе дело. Ты был со мной, старым, смертельно уставшим странником, столь любезен и даже угостил меня ужином, поэтому я хотел бы подарить тебе кое-что. Ценности этого подарка ты, наверное, сейчас понять не сможешь, но настанет день, когда ты станешь немного старше, и тогда, возможно, ты осознаешь, что приобрел, и возблагодаришь меня. А теперь закрой глаза, мой добрый мальчик». Мальчик сделал так, как просил этот человек, и тогда тот достал из потаенного кармана длинный, хорошо отточенный, сияющий нож мясника, широко взмахнул в воздухе и резанул по правой ноге мальчика, отхватив все пять маленьких грязных пальцев. Пока мальчик тихо сидел, ошеломленный случившимся, и смотрел вдаль, разглядывая пустоту, человек в капюшоне собрал окровавленные обрубки, бросил их стайке крыс, которые уже стали собираться на запах крови в канавках у моста. Потом он взобрался на свою повозку и тихо уехал, оставляя за собой мальчика, крыс, речку и утопающий в ночи город *Гамельн*».

Катурян смотрит на Тупольски, ожидая реакции, затем возвращает ему рассказ и садится на стул.

Город Гамельн. Ясно?

Тупольски. Гамельн.

Катурян. Вы поняли? Этот мальчик – тот самый хромой парнишка, который отстал от детей, которых Дудочник в пестрых одеждах завел в пещеру и погубил. Это предыстория мальчика – как он был искалечен.

Тупольски. Я понял.

Катурян. Такой прием.

Тупольски. Я понял, что это прием.

Катурян. Это были дети, за которыми он придет потом.

Тупольски. Дети, за которыми он придет потом?

Катурян. Это были дети, за которыми потом придет Дудочник в пестрых одеждах. А так он начал. Мои идея заключается в том, что он *приманил* крыс. Он *приманил* крыс. И он знал, что люди не заплатят ему. Это были те дети, за которыми он придет потом.

Тупольски. *(Кивает головой. Пауза.)* О, кстати, хорошо, что напомнили.

Тупольски идет в подсобную комнату, где видна картотека, приносит металлическую коробку из-под бисквитного печенья, садится на то же место, ставит коробку на стол на равном удалении от себя и Катуряна.

Катурян. Что? А, «хорошо, что напомнили». Когда никто ни о чем вам не напоминал.

Тупольски внимательно смотрит на него.

Что в этой коробке?

Раздаются жуткие крики где-то в дальних комнатах. Катурян встает. Заметно, что он очень взволнован.

Это мой брат.

Тупольски. *(прислушиваясь)* Да, похоже на то.

Катурян. Что он с ним делает?

Тупольски. Наверное, что-то ужасное. Я не знаю. А что?

Катурян. Вы же сказали, что вы с ним ничего не сделаете.

Тупольски. А я с ним ничего и не делаю.

Катурян. Вы сказали, что все будет в порядке. Вы дали слово.

Крики стихают.

Тупольски. Катурян. Я высокопоставленный полицейский чиновник в тоталитарном диктаторском государстве. Неужели вы думаете, что слово, данное вам, может что-либо значить?

Входит Ариэль, перевязывая окровавленную руку белым платком.

Катурян. Что вы сделали с моим братом?

Ариэль жестом подзывает Тупольски к себе. Они говорят о чем-то

шепотом в углу, затем садятся.

Что вы сделали с моим братом? Я, кажется, спросил вас.

Тупольски. Ты гляди, Ариэль. Теперь Катурян задает нам вопросы. Первый вопрос был: «Что в коробке?», когда ты пытал инвалида. А теперь Катурян интересуется, что мы сделали с его братом.

Катурян. Да по херу эту коробку! Что вы сделали с моим братом?

Тупольски. Понимаете, у Ариэля было трудное детство, и теперь он отыгрывается на отморозках, которые попадают к нам в лапы. Это в сущности крайне скверно, если задуматься.

Катурян. Что вы с ним сделали?

Ариэль. Знаешь, обычно я таким истеричкам, как ты, которые повышают на меня голос, даю сразу по роже, но сегодня тебе повезло. Я только что сделал это с твоим братом-идиотом и теперь у меня очень болит рука. Считай, что я тебя простил, но это первое и последнее мое прощение.

Катурян. Я хочу видеть брата. Прямо сейчас.

Тупольски. Неужели ты хочешь раскроить ему морду, Ариэль? Ты что? Ты разве не боишься, что это расценят как превышение полномочий? Не надо, Ариэль, одумайся!

Ариэль. Очень болит рука.

Тупольски. Подумай хотя бы о своей руке!

Ариэль. Да, очень болит.

Тупольски. Сколько раз мне тебе говорить! Дубинкой надо или что потяжелее. А ты голыми руками... Да еще инвалида! Это вряд ли пойдет ему на пользу.

Катурян. Он же как ребенок.

Ариэль. Сейчас я немного отдохну, но чуть позже вернусь к нему. Мне хочется взять что-нибудь остренькое, вонзить в него и повернуть.

Тупольски. Вот это точно назовут превышением полномочий.

Катурян. Я хочу видеть моего брата. Прямо сейчас!

Тупольски. А куда вы дели третьего ребенка?

Катурян. Чего? *(Пауза.)* Какого третьего?

Ариэль. Ну смотри, ты и твой брат. Вы же неразлучны, ты и твой брат?

Катурян. Михал - это все, что у меня есть.

Ариэль. Ты и твой чокнутый брат.

Катурян. Он не чокнутый.

Тупольски. «Писатель и его чокнутый брат». Как вам такой рассказик, а, Катурян?

Катурян. *(со слезами на глазах)* Он же как ребенок.

Тупольски. Нет, он не ребенок. А знаете, кто был ребенком? Андреа Йовакович была ребенком. Вспоминаете, кто это?

Катурян. *(пауза, садится)* Помню из газет.

Тупольски. Из газет помните... И что еще вы помните из газет?

Катурян. Девочку нашли мертвой на пустоши.

Тупольски. Да, девочку нашли на пустоши. А вы знаете, как она умерла?

Катурян. Нет.

Тупольски. Почему же вы не знаете, как она умерла?

Катурян. В газетах про это ничего не написано.

Тупольски. В газетах про это ничего не написано. А, может быть, вы вспомните, кто такой Аарон Голдберг?

Катурян. Слышал тоже из газет.

Тупольски. Понятно. Мальчика нашли в куче мусора рядом с еврейским кварталом. Знаете, как он умер?

Катурян. Нет.

Тупольски. Не знаете, ведь в газетах про это ничего не написано. В газетах

вообще мало что пишут. Например, в газетах совсем ничего не написано о третьем ребенке, немой девочке, которая пропала три дня назад. В том же районе, точно такого же возраста.

Ариэль. Думаю, как раз сегодня вечером об этом нам расскажут газеты во всех подробностях.

Тупольски. Я тоже думаю, что сегодня вечером они нам об этом расскажут. Сегодня вечером, я уверен, газеты расскажут вообще много интересного.

Катурян. О немой девочке?

Тупольски. О немой девочке. О чистосердечном признании. О последующем наказании. Вообще будет много нового.

Катурян. Но... Я не понимаю, что вы опять мне пытаетесь втолковать. Вы полагаете, что я должен прекратить писать рассказы об убийстве детей, потому что в реальном мире завелся настоящий детоубийца?

Ариэль. Он все еще пытается нас убедить в том, что все, что нам не нравится в нем, это его гребаная эстетика! Как будто бы мы еще не знаем о том, в чем сознался нам его брат.

Катурян. А что он вам сказал?

Ариэль. Как будто бы мы еще не знаем, что в этой коробке.

Катурян. Все, что он сказал вам, - это то, что вы его вынудили сказать. Он вообще не разговаривает с незнакомыми людьми.

Ариэль. (*пытаясь очистить окровавленную одежду*) Тем не менее он говорил со мной. Он прекрасно разговаривает с незнакомцами. Он даже рассказал мне о том, как вы, он и ты, прекрасно общались с не знакомыми вам людьми.

Катурян. Я хочу видеть его.

Ариэль. Хочешь видеть его?

Катурян. Я хочу видеть его. Я уже не раз об этом прошу.

Ариэль. Требуешь свидания с ним?

Катурян. Я бы очень хотел увидеть своего брата.

Ариэль. Неужели прямо требуешь свидания с братом?

Катурян. Да, черт возьми, я требую. Я хочу удостовериться, что с ним все в порядке.

Ариэль. С ним никогда не будет все в порядке.

Катурян. (*встает*) У меня есть право на свидание с братом!

Ариэль. Нет у тебя никаких прав, придурок...

Тупольски. Садитесь, пожалуйста.

Ариэль. Ни одного права. У тебя вообще нет прав.

Катурян. Есть. У каждого человека есть права.

Ариэль. А у тебя нет.

Катурян. Почему это, у меня нет?

Тупольски. Откройте коробку.

Катурян. Что?

Ариэль. И тогда я обещаю, что верну тебе твои права.

Катурян. Хорошо, и моему брату тоже.

Ариэль. Да, и брату тоже.

Катурян. Я на это надеюсь. И идите к черту, если обманете.

Тупольски. Откройте коробку.

Ариэль. Сам иди к черту, если мы обманем.

Катурян. Нет, это вы пойдете к черту.

Ариэль. Вот сука. Ты пойдешь!

Катурян. Знаю я, куда я пойду...

Тупольски. (*орет*) Открой же, черт тебя возьми, коробку!!!

Катурян. Хорошо, я открою ее!

Катурян в бешенстве открывает крышку, смотрит внутрь и резко отскакивает в угол. Дрожит мелкой дрожью.

Катурян. Что это?

Тупольски. Вернитесь на свое место.

Катурян. Что это такое?

Ариэль резко подходит к нему, принуждает его вернуться на место, берет за волосы и заставляет его еще раз взглянуть на дно коробки.

Ариэль. «Что это такое?» Ты прекрасно знаешь, что это. Мы нашли это в твоём доме.

Катурян. Нет!

Ариэль. И твой брат уже во всем признался как соучастник...

Катурян. Нет!

Ариэль. Но он вряд ли смог придумать это сам. А знаешь ли ты, как умерла та девочка, которую нашли на пустоши? Два бритвенных лезвия торчали у нее в глотке, два лезвия! Тебе не кажется это странным?

Тупольски засовывает руку в коробку...

Может, тебе рассказать, как умер этот еврейский мальчик?

...и достает оттуда пять окровавленных пальчиков.

Тупольски. Первый пальчик, второй пальчик, третий пальчик, четвертый пальчик, пятый пальчик.

Ариэль. Это, если ты, придурок, не понял до сих пор, те самые пять пальчиков бедного еврейского мальчика, и все пять мы нашли в твоём доме. Тебе мало?

Катурян. (в слезах) Я просто писал рассказы!

Ариэль. И они так прекрасно всегда заканчивались... Тебе так не кажется?

Тупольски. Заставь его сожрать это.

Ариэль стаскивает Катуряна на пол.

Ариэль. Где вы спрятали немую девочку? Где она?

Ариэль пытается засунуть отрезанные пальцы Катуряну в рот.

Тупольски. Прекрати. Что ты делаешь?

Ариэль. Ты велел мне, чтобы он их сожрал!

Тупольски. Только для того, что напугать его, идиот! Это же вещественные доказательства! У тебя есть хоть капля разума?

Ариэль. Пошел ты на хуй со своими каплями! Не заводи меня! И ты конкретно задолбал рассказывать всем про мое тяжелое детство!

Тупольски. Но у тебя, похоже, было действительно тяжелое детство...

Ариэль. Слушай, ты надоел мне!

Тупольски. И следи за рукой, а то явно видно, что кровь ты нарисовал.

Ариэль. Да пошел ты!

Тупольски. Что ты сказал?

Ариэль. Я сказал, пошел ты на хер!

Ариэль швыряет пальцы на пол и уходит, хлопая дверью. Тупольски собирает пальцы и возвращает их в коробку.

Тупольски. Скажите, пожалуйста, какой нервный!

Пауза.

Катурян. Я ничего не понимаю, что происходит.

Тупольски. Ничего не понимаешь? Хорошо, я объясню. Сегодня, в понедельник, четвертого числа, в пять пятнадцать вечера мы со свидетелями проникли в ваш дом. Мы нашли там твоего брата, чокнутый он там или нет, как угодно, мне все равно. И, под принуждением или по своей воле, еще до наступления темноты он признался нам в своих преступлениях, и его слов вполне достаточно, чтобы предать его суду. Но, как уже сказал вам Ариэль, он вряд ли мог руководить своими действиями сам, поэтому мы привели тебя сюда на допрос. Нам очень нравится пытать писателей. А уж полных идиотов мы готовы пытать сутки напролет. Чем и занимаемся. Но когда мы судим писателя, в этом есть какой-то... знак судьбы. *(Пауза.)* Правда, я не очень понимаю, что это за знак на самом деле, это на самом деле не мое дело, но важно понять, что это что-нибудь да значит. *(Пауза.)* Да, пожалуй, я все-таки знаю, что это значит. Я понял, что это за знак. Он означает буквально следующее: «НЕ... ПРОХОДИТЕ... МИМО... ТОГО... КАК... УБИВАЮТ... МАЛЕНЬКИХ... ТВОЮ МАТЬ... ДЕТЕЙ». *(Пауза.)* Где вы спрятали немую девочку? Твой брат, кажется, не хочет раскалываться.

Катурян. Детектив Тупольски?

Тупольски. Мистер Катурян?

Катурян. Я довольно долго выслушивал весь этот бред, и поэтому я прошу теперь тоже меня выслушать. Я ни за что не поверю, что мой брат вам что-либо мог наговорить. Мне кажется, вы пытаетесь сфабриковать против нас дело по двум причинам. Во-первых, вы неизвестно почему недолюбливаете мои рассказы, а, во-вторых, вы презираете инвалидов, мечтая их всех истребить. Я больше не произнесу ни звука, пока вы мне не позволите повидать моего брата. Вы можете продолжать пытать меня, сколько вам вздумается, детектив Тупольски, но я вам больше не скажу ни слова.

Тупольски. *(пауза)* Ясно. *(Пауза.)* Мне кажется, нам сейчас лучше всего поможет электрошок.

*Тупольски выходит из камеры с контейнером в руках. За ним закрывается дверь. В ту же секунду Катурян забывается.
Затемнение.*

Сцена вторая

Катурян сидит на кровати в окружении игрушек, карандашей, красок, листов бумаги. Очевидно, что это детская комната. Рядом с ней точно такая же, но сделанная, например, из стекла, она абсолютно темная и закрыта на ключ. Катурян сочиняет рассказ, который тут же разыгрывают он сам, его Мать, вся в драгоценных камнях, и его Отец, носящий козлиную бородку и очки.

Катурян. Жил-был на свете маленький мальчик. И были у него отец и мать, которые с самого детства окружили его любовью, добротой и всяческой заботой. У него была своя маленькая комнатка в большом доме, а стоял дом посередине чудного леса. Чего только у него не было: любые игрушки, какие только есть на белом свете, все краски мира, все самые интересные книжки, карандаши и много бумаги. Родители с самого раннего детства заронили в нем зерна творчества, и сочинительство стало его первой любовью: он писал короткие рассказы, сказки, новеллы, полные радости, счастья и радужных красок. Он писал про медведей, поросят и ангелов. Одни его герои были прекрасны, другие были еще прекрасней. Родительский эксперимент приносил свои плоды. *Первый этап* эксперимента приносил свои плоды.

Отец и Мать, целуя и обнимая Катуряна, входят в соседнюю комнату и исчезают в темноте.

Однажды ночью, когда семья отпраздновала семилетие мальчика, начался настоящий кошмар. Комната, которая находилась рядом с детской, оставалась всегда закрытой и темной. Мальчик точно не знал, почему эта комната была для него потаенной, ему не хватало смелости спросить об этом своих родителей, пока не зажужжали вгрызающиеся в дерево сверла, пока не заскрипели, не зацарапали тугие винты, пока не заискрили невидимые электрические приборы, пока не услышал мальчик через тонкие стены приглушенные крики ребенка, которому кричать мешал тугой кляп. Это стало повторяться каждую ночь. (*Матери, детским голосом*) «Кто это шумел вчерашней ночью, мамочка?» (*обычным голосом*) Спрашивал он после каждой длинной, душной, бессонной ночи, на что мама неизменно отвечала...

Мать. Мой маленький мальчик, тебе просто показалось. У тебя слишком бурное воображение.

Катурян. (*детским голосом*) Правда? Неужели ночью все такие же мальчики, как я, слышат такие отвратительные звуки?

Мать. Нет, детка моя. Только очень талантливые дети.

Катурян. (*детским голосом*) Да, ну прекрасно. (*обычным голосом*) Жизнь шла своим чередом. Мальчик продолжал писать, а его родители поощряли его творческие замыслы самым нежным отношением к нему. Но крики и скрипы все равно мучили его каждую ночь...

В соседней комнате, в тревожном полумраке, показывается на секунду маленький мальчик лет восьми, привязанный ремнями к кровати. Мать и Отец пытаются его сверлами и сваркой.

...и рассказы мальчика день ото дня становились все мрачнее и мрачнее. Они, справедливости ради надо сказать, становились все лучше и лучше, что вполне естественно, но, вместе с тем, мрачнее и мрачнее, вдохновленные звуками детских мучений, что тоже вполне естественно.

Соседняя комната темнеет. Мать, Отец и страдающий ребенок

сливаются с темнотой. Катурян убирает игрушки с кровати.

В день своего четырнадцатилетия он с нетерпением ждал результата литературного конкурса - его рассказы добрались уже до самого финала. Вдруг он увидел, как в щель под дверью закрытой комнаты кто-то просовывает записку...

Записка, написанная красными чернилами, появляется под дверью. Катурян поднимает ее.

...в записке мальчик прочел: «Они любят тебя и мучают меня все эти семь лет без всякой причины, кроме той, которую они называют художественным экспериментом. Экспериментом, который оказался успешным. Ты ведь уже не пишешь больше про зеленых поросят, правда?» Записка была подписана: «Твой брат», и мальчик только теперь заметил, что написана она кровью.

Катурян ломится в соседнюю комнату.

И когда он сломал дверь, он увидел...

Свет выхватывает из темноты Мать и Отца одних, сидящих в комнате. У них в руках сверла. Звучит фонограмма пытки.

...своих родителей, который сидели в полном одиночестве и улыбались. Отец имитировал звуки дрели, мать имитировала сдавленные крики ребенка с кляпом во рту, рядом с ними стояла банка со свиной кровью. Отец попросил мальчика взглянуть на обратную сторону кровавой записки, которую тот держал в руках. Мальчик так и сделал. Там было написано, что он победил в литературном состязании и получил приз в пятьдесят фунтов. И они вместе долго смеялись. Второй этап родительского эксперимента был завершен.

Отец и Мать ложатся спать на кровать Катуряна. Свет над ними гаснет.

Вскоре они переехали, ночные кошмары мальчика прекратились, но его рассказы были все так же мрачны и кровавы, хотя стали еще более совершенны. И мальчик бесконечно благодарил родителей за их таинственную легенду, которую они придумали ради него. Прошло еще несколько лет, у мальчика, наконец, вышла первая книга, и в этот день он решил вернуться в дом, где он провел свое беззаботное детство. Он заглянул в свою детскую комнату. Забытые игрушки и карандаши лежали на кровати нетронутыми...

Катурян входит в соседнюю комнату.

...а потом мальчик зашел в соседнюю комнату и увидел там старые, запылившиеся дрели, оковы и электрические провода. И ему стало смешно от того безрассудного эксперимента, который придумали ради него его чудные родители. Он перестал смеяться только тогда, когда наткнулся на...

Садится на смятую постель. Катурян отодвигает край матраса и находит там жуткий труп ребенка...

...труп четырнадцатилетнего ребенка, который был брошен гнить здесь навечно. Каждая косточка его тела была сожжена и переломана, а в руке мертвый ребенок держал рассказ, написанный кровью. Мальчик прочел этот

рассказ. Написанный в адских условиях, он был самой прекрасной, самой светлой историей, которую мальчик когда-либо читал. И самое ужасное, что мальчик тогда понял: он в жизни не написал бы ничего подобного. И уже никогда не напишет.

Катурян берет зажигалку и поджигает рассказ.

Он сжег рассказ и накрыл брата матрасом. Никому и никогда он не рассказывал о том, что увидел в этот день. Ни своим родителям, ни своим издателям, никому. Последний этап родительского эксперимента был завершен.

Комната брата темнеет. Тусклый свет зажигается над кроватью Катуряна, где спят Отец и Мать.

На этом рассказ Катуряна «Писатель и брат писателя» завершается в весьма модных сегодня мрачных тонах, хотя на самом деле он совсем не затрагивает самых мрачных и разоблачающих деталей этой истории, происходившей в действительности. А в действительности все было иначе. Как только мальчик прочел кровавую записку, он сломал дверь в соседнюю комнату и, разумеется...

Труп ребенка садится на кровать и тяжело дышит.

...нашел там родного брата, живого, но уже потерявшего рассудок, без каких бы то ни было надежд на выздоровление. В ту же ночь, когда его родители заснули, в день своего четырнадцатилетия, мальчик задушил подушкой своего отца ...

Катурян душит Отца подушкой. Его тело некоторое время сопротивляется, затем Отец умирает. В последнюю секунду он хватается Мать за плечо в надежде спастись. Она открывает глаза и в полузабытьи наблюдает, как умирает ее супруг.

...и, дав Матери насладиться зрелищем смерти ее драгоценного мужа, мальчик надвинул подушку и на ее горло.

С бледным лицом Катурян кладет подушку на лицо Матери, которая пытается кричать. Она долго сопротивляется, но Катурян еще сильнее сжимает руки. Свет медленно гаснет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

Тюремная камера. Михал сидит на деревянном стуле, сжав колени, слушает, как где-то неподалеку кричит его брат Катурян. Тонкий матрас на полу накрыт суровым одеялом. Рядом лежит подушка.

Михал. Однажды... На самом краю земли...

Катурян кричит снова. Михал имитирует его крик до тех пор, пока он не стихает.

Однажды на краю земли жил-был зеленый поросенок. Жил-был зеленый поросенок. Который был зеленый. Эээ...

Катурян кричит. Михал имитирует его крик, пока он не стихает, затем встает и ходит по камере.

Однажды на краю земли жил-был зеленый поросенок... А было ли это на краю земли? Где же это было на самом деле? (Пауза.) Нет, все-таки это *было* на краю земли. И там жил-был маленький зеленый поросенок...

Катурян кричит. Михал имитирует его крик, наконец, раздражаясь.

Ах, замолчи, Катурян! Прекрати орать, ты не даешь мне сосредоточиться на зеленом поросенке! (Пауза.) И что же зеленый поросенок делал дальше? Он... Он сказал одному человеку... Он сказал одному человеку: «Привет тебе... человек...»

Катурян кричит. Михал вслушивается в его крики.

Ну нет же, я не могу сочинять рассказы, как ты. Все равно. Когда же они успокоятся и перестанут тебя мучить-то? Скучно как. Здесь ужасно скучно. Жаль, что ...

Слышно, как открывается дверь соседней комнаты. Михал прислушивается. Дверь камеры Михала открывается, и Ариэль бросает на пол окровавленного Катуряна без признаков жизни.

Ариэль. Мы вернемся за тобой через полчаса. Я иду ужинать.

Михал показывает ему большие пальцы рук, в смысле «так держать». Ариэль выходит и запирает дверь. Михал смотрит на Катуряна, который лежит на полу и мелко дрожит, пытается погладить его по голове, но не находит в себе сил. Садится на стул.

Михал. Приветик.

Катурян смотрит на него, придвигается к его ноге и страстно обнимает ее. Михал пристально смотрит на него, выглядит неуклюжим.

Что ты делаешь?

Катурян. Я держу тебя за ногу.

Михал. Ага. *(Пауза.)* А зачем?

Катурян. Не знаю. Мне больно! Можешь мне позволить держать за ногу своего брата, когда мне больно?!

Михал. Пожалуйста, Катурян. Просто странно.

Катурян. *(пауза)* Как ты, слушай?

Михал. Превосходно. Немного устал, правда. Слушай, приятель, ты так шумел... Они что там делали? Пытали тебя, что ли?

Катурян. Да.

Михал. *(Ахает. Пауза.)* Тебе больно?

Катурян отпускает его ногу.

Катурян. Если бы меня не мучили, Михал, мне не было бы больно. По-моему, это ясно.

Михал. Ну да, правильно.

Катурян. А у тебя что болит?

Михал. Что болит?

Катурян. Тебя же тоже мучили.

Михал. Меня не мучили.

Катурян. Как это?

Катурян впервые внимательно рассматривает брата, замечая, что на нем нет и царапины.

Михал. Ну... этот человек мне сказал, что *собирается* меня пытать, но я сказал ему: «Нет, прости, дружище, это же очень больно». Я рассказал ему все, что он хотел услышать, и он ушел довольным.

Катурян. Но я слышал, как ты кричал.

Михал. Да. Он просил, чтобы я кричал. Он хвалил меня за то, что я хорошо кричу.

Катурян. И что, он сказал тебе, что говорить, и ты согласился с этим?

Михал. Ага.

Катурян. *(пауза)* Поклянись мне своей жизнью, что ты не убивал этих трех несчастных детишек.

Михал. Я клянусь тебе всею своей жизнью, что я не убивал этих трех детишек.

Вздых облегчения. Катурян снова обнимает Михала за ногу.

Катурян. Ты ничего не подписывал?

Михал. Ну... конечно... Ты же знаешь, я вообще не могу ничего подписывать.

Катурян. Тогда, наверное, мы скоро выберемся из этого дерьма.

Михал. Из какого дерьма?

Катурян. Нас обвиняют в убийстве трех детей, Михал. Но мы выберемся.

Михал. Ого, в убийстве трех детей. Круто. А как выберемся?

Катурян. Единственное, что они имеют против нас, это то, что ты сказал им, и то, что они нашли в нашем доме.

Михал. А что они нашли?

Катурян. Они нашли коробку с пальцами мальчика. Но не волнуйся. Это они *сказали*, что это пальцы. Но это не выглядит, как детские пальцы. Это вообще ни на что не похоже. Отъебитесь же, суки! *(Пауза.)* Еще они сказали, что пытали тебя. Его руки были в крови. Так ты говоришь, он тебя не тронул?

Михал. Нет, он даже дал мне сэндвич с ветчиной. Только я оттуда лук выковырнул. Ага.

Катурян. Дай мне подумать. Дай мне немного подумать...

Михал. Хочешь подумать, что ли?

Катурян. Почему же мы с тобой такие глупые? Почему мы верим в то, что они нам наболтали?

Михал. Почему?

Катурян. Они рассказывают нам сказки, понимаешь, вот как я тебе.

Михал. Понимаю.

Катурян. Человек вошел в комнату и сказал: «Твоя мама умерла».

Михал. Да я и так знаю, что моя мама умерла.

Катурян. Нет, пойми, это уже пошла сказка. Один человек вошел в комнату и сказал другому человеку: «Твоя мама умерла». Что нам известно из этого факта? Знаем ли мы достоверно, что мама второго человека умерла?

Михал. Да.

Катурян. Нет, мы этого не знаем.

Михал. Нет, мы этого не знаем.

Катурян. Все, что мы знаем, это то, что один человек вошел в комнату и сказал другому: «Твоя мама умерла». Это все, что нам известно. Первое правило для тех, кто сочиняет рассказы. «Не верь тому, что написано в газетах».

Михал. Я не читаю газет.

Катурян. Отлично. Всегда думай на шаг вперед.

Михал. Я не совсем понимаю, куда ты клонишь, Катурян. Но мне интересно.

Катурян. Человек входит в комнату и говорит: «Твой брат только что признался в том, что он убил трех детей, а еще мы нашли отрезанные детские пальчики в твоём доме». Что мы узнаем из этого?

Михал. Все. Я понял!

Катурян. Разве мы знаем достоверно, что брат убил все-таки этих детей?

Михал. Нет.

Катурян. Нет. Разве мы знаем достоверно, что брат *признался* в том, что он убил троих детей?

Михал. Нет.

Катурян. Нет. Разве мы знаем достоверно, что они нашли в нашем доме детские пальчики? Нет. Разве мы... О, Боже!

Михал. Что такое?

Катурян. Мы даже не знаем точно, что дети вообще убиты.

Михал. Это было написано в газетах.

Катурян. А кто владеет газетами?

Михал. Полиция. А... Ты очень умный.

Катурян. Да, черт возьми. «Писателя в тоталитарной стране подвергают полицейскому допросу, расспрашивают о сюжетах его жутких рассказов и некоторых совпадениях между ними и серией жестоких детоубийств, случившихся в его городе. О серии жестоких убийств... которых на самом деле не было». (Пауза.) Мне нужна ручка. Я напишу об этом славную вещь. Если только они не повесят нас через пару часов. (Пауза.) Что бы там ни случилось, Михал, что бы ни произошло, не подписывай никаких бумаг. Что бы ни произошло, ничего не подписывай. Ты меня хорошо понял?

Михал. Что бы они со мной не сделали, я ничего не подпишу. Что бы со мной не случилось, я не подпишу ни одной бумаги. (Пауза.) Можно я буду подписываться *твоим* именем?

Катурян. (улыбается) В особенности прошу тебя не подписываться моим именем. В особенности прошу тебя не подписываться моим именем.

Михал. «Я зарезал кучу детей», и подписаться «Катурян Катурян». Смешно?

Катурян. Ты маленькая свинья...

Михал. «А его брат тут не при чем, Михал вообще тут не при чем», и подписаться «Катурян Катурян». Смешно?

Катурян. Я сейчас дам тебе по морде...

Михал. Не надо...

Катурян обнимает его. Михал прижимается к брату, и это заставляет Катуряна вспомнить о побоях.

Катурян. О господи, Михал!

Михал. Прости, Катурян.

Катурян. Да, нет, все в порядке. *(Пауза.)* Все будет хорошо, Михал. Все будет хорошо. Мы выберемся отсюда. Если будем держаться друг за друга.

Михал. Ага. У меня сегодня ужасно чешется в попе. Не знаю даже, почему. Ты не взял с собой присыпку?

Катурян. Нет, ты ее всю израсходовал. Просто как назло – словно бы она и не нужна нам теперь вовсе.

Михал. Мммм... А что, мы можем не скоро отсюда выбраться, да?

Катурян. Можем.

Михал. Придется сидеть тут и ковыряться в попе.

Катурян. Да. Говори мне, пожалуйста, только об этом, как у тебя там, это, правда, меня сегодня очень бодрит.

Михал. Тебя? Бодрит? Ну ты и дурак. Как это тебя может бодрить моя попка, ты совсем уже что ли?

Катурян. Я завишу теперь от твоей попки.

Михал. Что? Дурак ты. *(Пауза.)* Все равно чешется. Вот, сообщаю тебе об этом. Я не ковырял там, я тебе клянусь, но она почему-то, блин, чешется все равно. *(Пауза.)* У меня есть маленькая зудящая попка. *(Пауза.)* Расскажи мне сказку, Катурян. Я хотя бы отвлекусь...

Катурян. Отвлечешься от своей чешущейся попки...

Михал. Да, от моей чешущейся попки...

Катурян. Что тебе рассказать?

Михал. Ну расскажи мне про маленького зеленого поросенка.

Катурян. Ну нет... *(говорит старческим голосом)* Ну это же такая ерунда...

Михал. *(повторяет за ним интонацию)* Нет, это не ерунда. Очень милая сказка. Про маленького зеленого поросенка. Я сейчас пытался ее вспомнить.

Катурян. Нет, давай я расскажу другую. Какую ты хочешь?

Михал. Тогда давай «Человека-подушку».

Катурян. *(улыбается)* Почему это ты хочешь «Человека-подушку»?

Михал пожимает плечами.

Я давно тебе ее не рассказывал?

Михал. Да, кажется, давно не рассказывал.

Катурян. Ну ладно, как там она начинается...

Михал. Однажды...

Катурян. Это ясно, а все-таки как она на самом деле начинается?

Михал. *(раздраженно)* Однажды...

Катурян. О, *господи*, ну хватит. *(Пауза.)* Однажды... жил-был человек, который не был похож на всех остальных. Он был почти в двое выше, чем обычные люди...

Михал смотрит вверх, тихо присвистывая.

...и весь был сделан из пухленьких розовых подушек. Его руки были как подушки, его ноги были как подушки, его тело было как подушка, его пальцы были как маленькие подушечки, и даже его голова была как подушка, большая

круглая подушка.

Михал. Подушка, похожая на шар.

Катурян. Это одно и то же.

Михал. Но я люблю, когда «подушка, похожая на шар».

Катурян. Вместо головы у него была большая подушка, похожая на шар. На ней красовались глаза, сделанные из пуговиц, и большой рот, который всегда улыбался. Поэтому всегда, в любое время дня и ночи, можно было рассмотреть его зубы, которые, конечно, тоже были подушками. Маленькими беленькими подушечками.

Михал. «Подушечками». Когда ты улыбаешься, ты похож на Человека-подушку.

Катурян расплывается в блаженной улыбке. Михал нежно касается губ и щек Катуряна.

Катурян. Человек-подушка смотрел на всех людей, нежно и по-доброму, потому что занятие его было весьма печально и трудно...

Михал. О, вот начинается...

Катурян. Как только мужчина или женщина, чья жизнь вдруг стала очень грустной и невыносимой, захотят окончить ее разом, прекратить унылое течение дней и навсегда-навсегда позабыть о душевной боли, когда они готовы попрощаться с жизнью с помощью бритвы, пули или бытового газа....

Михаил. Или просто спрыгнув с крыши...

Катурян. Да, именно. Какой бы способ самоубийства они бы не предпочли - конечно, слово «предпочли» здесь не самое точное слово, - но все равно, как только они задумались об этом, в этот момент к ним приходит Человек-подушка, садится подле них, обнимает и держит, шепча в уши: «Подожди чуток». И время останавливается, и, когда время окончательно замирает, Человек-подушка возвращает людей к тому сроку, когда эти мужчины или женщины были маленькими мальчиками или девочками, когда ужасная жизнь, к которой они теперь подошли, еще только начинается. Работа Человека-подушки весьма и весьма печальна, он убеждает детей убить себя, чтобы те счастливо избежали тех ужасных лет страдания и боли, которые и так должны окончиться точно таким же способом: вглядываясь в черноту газовой духовки, вглядываясь в дуло пистолета, вглядываясь в колдовское озеро. Вы могли бы на это возразить: «Я никогда в жизни не слышал о том, чтобы маленькие дети убивали сами себя». На это Человек-подушка вам ответит, что он подстраивает дело так, словно бы это был просто трагический случай: он подсовывает детям баночку с таблетками, похожими на конфеты, он подводит детей к тому месту на реке, где весенний лед особенно тонок, он подводит их к припаркованным машинам, которые неожиданно трогаются с места, он показывает детям, как натянуть на головы полиэтиленовый пакет, в котором не оказывается дырок. Родители всегда охотнее смиряются с потерей пятилетнего ребенка в результате трагического случая, чем с осознанием того, что их пятилетний малыш решил свести счеты с жизнью, которая показалась ему ужасающей. Но не все дети слушались Человека-подушку. Однажды одна маленькая девочка, невероятно счастливая, не поверила Человеку-подушке, когда он сказал ей, что жизнь жестока, а ее жизнь будет в будущем особенно невыносимой. Она прогнала его, и Человек-подушка ушел ни с чем, рыдая клейкими, крокодиловыми слезами, которые тут же образовывали огромные лужи на земле. В следующую ночь в дверь ее спальни постучали, но девочка снова прогнала гостя: «Иди отсюда, Человек-подушка. Я уже сказала тебе, что счастлива. Была счастлива и буду счастлива всегда». Но это был не Человек-подушка. Это был другой мужчина. В эту ночь ее мамы не было дома, и с тех пор этот человек стал все время приходить к ней в те ночи, когда ее мама не

ночевала дома. И совсем скоро жизнь девочки стала такой печальной, что однажды, в двадцать один год, она села в отчаянии у открытой духовки и спросила у Человека-подушки: «Почему ты тогда не уговорил меня?» И Человек-подушка ответил ей: «Я пытался, но ты, наверное, была слишком счастлива». И тогда она открыла газ на полную мощность и перед тем, как уйти насовсем, сказала: «Но я *никогда* не была счастлива, я *никогда* не была счастлива».

Михал. Послушай, а ты не мог бы не рассказывать дальше, а? Конец у тебя получился скучным.

Катуриян. Между прочим, это крайне не прилично говорить так, Михал.

Михал. Ах, прости, Катуриян. (Пауза.) Но все равно ты не мог бы пропустить финал?

Катуриян. (пауза) Ну... вот и конец Человека-подушки... Послушай. Когда Человек-подушка выполнял свою работу хорошо, *смерть* ребенка была ужасающей. Но когда Человек-подушка ленился, *жизнь* ребенка была ужасающей, а когда ребенок вырос, она становилась просто невыносимой, и его *логическая* смерть была кошмарной вдвое. И тогда Человек-подушка, такой большой, такой мягкий, ходил весь день в слезах, и его дом был полон воды. Однажды он решил сделать свое последнее дело и покончить с этим. Он пришел на свое излюбленное место, на берег прекрасной реки, о котором он с нежностью вспоминал всю свою зрелую жизнь...

Михал. Я так люблю этот момент...

Катуриян. Он принес с собой небольшую канистру бензина. Сел под свою любимую старую плакучую иву и стал ждать. Вокруг него были его любимые игрушки...

Михал. Расскажи, какие.

Катуриян. Игрушечная машинка, маленькая собачка и калейдоскоп.

Михал. Маленькая собачка? И она лаяла?

Катуриян. Что?

Михал. Она лаяла?

Катуриян. Ммм... да! Рядом стоял... небольшой фургон. Человек-подушка услышал, как открылась дверь и из фургона на землю спустился маленький мальчик, который крикнул: «Я пойду погуляю, мамочка». И мама сказала ему: «Хорошо, только не опоздай к чаю, сынок». «Не опоздаю, мамочка». Мальчик зашагал в его сторону, и когда Человек-подушка раздвинул ветви ивы, то он увидел, что это был вовсе не маленький мальчик, а маленький Мальчик-подушка. И тогда Мальчик-подушка сказал Человеку-подушке: «Привет», и Человек-подушка ответил ему: «Привет», и они стали играть в игрушки...

Михал. В машинку, калейдоскоп и маленькую собачку, которая лаяла. Но с собачкой они все-таки играли больше, правда, да?

Катуриян. И тогда Человек-подушка рассказал мальчику о своей печальной работе, о мертвых детях и всех его грустных обязанностях, и Мальчик-подушка тут же понял его, потому что это был счастливый маленький человек и все, что желала его душа, - это быть полезным другим людям. И тогда он облил себя бензином, а его лицо расплылось в самой искренней улыбке. Сквозь клейкие слезы Человек-подушка сказал: «Спасибо тебе», и мальчик ответил: «Да все хорошо! Скажи только моей маме, что я сегодня не приду к чаю». Человек-подушка сказал: «Хорошо, я скажу, мой милый мальчик» и понял, что впервые солгал ребенку. И тогда Мальчик-подушка зажег спичку, а Человек-подушка сел на траву и молча смотрел, как догорает костер. Последнее, что увидел исчезающий с лица земли Человек-подушка, - счастливую улыбку мальчика, которая тут же растаяла в воздухе вместе с запахом горелого пуха. Это было последнее, что он успел увидеть. А последнее, что он услышал, были звуки, которые он уже не смог различить. Последнее, что он услышал, - это были крики сотен тысяч детей, которым он когда-то помог расстаться с

жизнью и которые теперь возвращались к ней, чтобы продолжать длить свои холодные, бессмысленные дни, которые отпущены им жестокой судьбою. Теперь он был так далеко от них, что при всем желании не смог бы помочь им свести счеты с ужасающей жизнью, окончить которую им теперь предстояло самостоятельно.

Михал. Хм... (Пауза.) Я не совсем понял самый конец истории. Что, неужели Человек-подушка исчез насовсем, да? Эх.

Катурян. Да, он исчез насовсем - так, словно бы его не существовало.

Михал. Растворился в воздухе.

Катурян. Растворился в воздухе. Превратился в ничто.

Михал. Ушел на небо.

Катурян. Нет, превратился в ничто.

Михал. Я люблю Человека-подушку. Он мой лучший друг.

Катурян. Это довольно мрачно, я готов признать. Ну как твоя попка, все еще чешется?

Михал. Черт, зачем ты напомнил? Блин! (Чешется.) Мммм... Но я до сих пор не могу понять, как это все могло произойти.

Катурян. Что это? Как умер Человек-подушка?

Михал. Ну нет, я же спрятал ее очень хорошо.

Катурян. Что спрятал?

Михал. Коробку с пальцами. Я спрятал ее очень хорошо, я был уверен. Сначала положил ее в комод, где ты держишь чистые носки и трусы, но потом мне показалось, что там коробку легко найти. Когда они начали подванивать, я закопал их в землю для рождественской елки на чердаке, потому что мы будем елку ставить явно еще совсем не скоро. Только в канун Рождества. У них была куча времени, чтобы заплесневеть. И они уже даже начали покрываться плесенью. Когда тебе их показывали, они были в плесени?

Катурян кивает головой, но видно, как силы покидают его.

Они натравили собак, не иначе. Понимаешь, эти ищейки все разнюхали... Они натравили их. Потому что я блестяще их спрятал. В землю для рождественской елки. Нам нужна она только раз в году.

Катурян. Ты же сказал мне... Ты же мне только что сказал, что не трогал этих детей. Значит ты солгал мне.

Михал. Нет, я не солгал. Я только сообщил тебе, что ко мне пришел человек и сказал, что будет пытаться меня до тех пор, пока я не признаюсь, что убил этих детей. И я сказал ему, что убил их. Но это не значит, что я не убивал этих детей. Как раз я их и убил.

Катурян. Ты поклялся мне своей жизнью, что не убивал этих трех малышей.

Михал. Ой, ну слушай, когда ты сказал: «Поклянись своей жизнью, что не убивал детей», мне показалось, это была такая игра. Шутка! Прости, Катурян.

Катурян от неожиданности обрушивается на матрас.

Я знаю, я поступил плохо. Поверь. Но мне было ужасно интересно. Маленький мальчик был именно таким, как ты мне его описывал. Когда я отрезал ему пальцы, он даже не закричал. Он просто сидел и смотрел на них. Он был очень удивлен. В его возрасте это невозможно понять. Его звали Аарон. На нем была смешная маленькая шапочка, и он все время лепетал о своей маме. Боже мой, как много крови из него вылилось! Это просто невозможно себе представить, сколько крови может быть в такой малышке. Потом вдруг она перестал течь и мальчик стал синеть. Бедный. Я почувствовал себя очень плохо в этот момент, а он был в этот момент прекрасен. «Я хочу к маме, пожалуйста, отпустите меня». А зато девочка была как зуд в попке. Она

кричала так, что, казалось, у нее глаза выпадут из глазниц. Она не хотела их есть. Она не хотела есть яблочных человечков, а я так *долго* их готовил. Очень трудно засунуть туда бритвы. Ты ведь не написал, как правильно готовить яблочных человечков, елки-палки. Я проверил их на ней. Мне в конце концов все-таки удалось в нее их засунуть. Ей хватило двух. Не для того, чтобы умереть, а чтобы она хотя бы замолчала. *(Пауза.)* Тебе тяжело в этой рубашке? Ты весь в крови. Завтра постирай ее. Хотя тебе придется хорошенько постараться. Вот увидишь: с ней надо будет повозиться. *(Пауза.)* Катурян? *(Пауза.)* Я сам ее постираю завтра, если ты хочешь. Я очень хорошо это делаю.

Катурян. *(пауза, тихо)* Зачем ты это сделал?

Михал. Что? Я не слышу.

Катурян. *(плачет)* Зачем ты это сделал?

Михал. Не плачь, Катурян. Не плачь.

Михал подходит к нему, чтобы поддержать его. Катурян в отчаянии отстраняется.

Катурян. Зачем ты это сделал?

Михал. Ты же знаешь. Ты попросил меня об этом.

Катурян. *(пауза)* Что-что?

Михал. Ты попросил меня об этом.

Катурян. *(пауза)* Я помню, что просил тебя делать вовремя домашнее задание. Я помню, что просил тебя чистить зубы по вечерам...

Михал. Я *чищу* зубы по вечерам...

Катурян. Но я не помню, чтобы я просил тебя красть маленьких детей и мучить их с особой жестокостью.

Михал. Я не мучил их с особой жестокостью. «С особой жестокостью»... Мне кажется, это больше напоминало...

Михал показывает, как ожесточенно разрубает кого-то.

Это больше было похоже на...

Михал показывает, как он одним резким движением отсекает воображаемые пальцы и затем изящным движением выбрасывает их.

Или на...

Михал показывает, как он засовывает в рот девочки два яблочных человечка и заставляет ее проглотить их.

«С особой жестокостью». Это слишком. Я ничего не делал, о чем бы ты меня не просил, так что, знаешь, не изображай, пожалуйста, невинного младенца. В каждой твоей истории с кем-нибудь случается что-нибудь ужасное. Я всего лишь проверял, настолько они реалистичны. Потому что мне всегда казалось, что некоторые из них совсем не похожи на правду *(Пауза.)* Но знаешь? Вот, что я понял: некоторые из них вполне реалистичны.

Катурян. Но почему же ты не захотел разыграть одну из моих добрых историй?

Михал. Потому что ты таких не пишешь.

Катурян. Ну почему? У меня таких много.

Михал. Ну... да... две.

Катурян. Так я тебя спрашиваю, почему же ты не захотел разыграть одну из моих добрых историй?

Михал. Ну хорошо.

Катурян. Знаешь почему? Потому что ты садист, мелкий гадкий психованный извращенец, которому *нравится* убивать детей. Каждый мой рассказ был плодом моего доброго сердца, и, черт тебя побери, у тех, кто их читает, они должны были вызвать точно такие же ответные чувства.

Михал. Конечно... Но мы никогда бы не узнали это, если бы не попробовали. (Пауза.) Мне *не понравилось* убивать детей. Меня это раздражало. Это было так мучительно и долго. И я совсем *не собирался* убивать этих детей. Я хотел всего лишь отрезать пальцы у мальчика и заставить девочку съесть лезвия.

Катурян. Ты хочешь сказать, что ты этого не знал: если отрезать пальцы у мальчика и заставить девочку съесть лезвия, то они умрут?

Михал. Вот *теперь* знаю.

Катурян берет его голову в свои руки, как бы пытаясь понять хоть что-нибудь.

Человек, который меня пытал, кажется, на моей стороне. Он говорил, что это целиком твоя вина. Ну все-таки... в основном, твоя.

Катурян. (пауза) Что ты сказал ему?

Михал. Правду.

Катурян. Какую конкретно правду?

Михал. Я сказал ему: все, что я делал с детьми, я взял из рассказов, которые ты писал и потом читал мне.

Катурян. Ты это сказал следователю?

Михал. Да. И это было правдой, ты же знаешь.

Катурян. Это не правда, Михал.

Михал. Правда.

Катурян. Нет.

Михал. Признайся, ведь ты *писал* рассказы о том, как убивают детей?

Катурян. Да, но...

Михал. Ты *читал* их мне?

Катурян. Да...

Михал. Теперь скажи, *должен* ли я был после всего этого выйти на улицу и убить целую кучу детей? (Пауза.) «Да, конечно», - вот самый правильный ответ. Поэтому я не понимаю, когда ты говоришь мне: «Это неправда». И не надо говорить мне, что я отморозок и извращенец. Просто ты мой брат и я люблю тебя. Ты только что двадцать минут рассказывал мне историю про парня, главная цель в жизни которого - сжечь как можно больше детей на костре. Это твой герой! И я сейчас не критикую тебя. Он превосходный герой. Он превосходный герой. Он напоминает мне меня самого.

Катурян. Чем это он тебе себя напоминает?

Михал. Ну хотя бы тем, что он тоже убивал маленьких детей. Хотя бы этим.

Катурян. Человек-подушка никогда никого не убивал, Михал. Умершие дети все равно бы окончили жизнь в страшных мучениях.

Михал. Ты прав. Эти дети были обречены. И их можно было огородить от страданий.

Катурян. Но не всем детям уготована ужасающая жизнь.

Михал. Ну да, ну да... Была ли *твоя* жизнь ужасающей после того, как ты перестал быть ребенком? Наверное, да. Были ли *моя* жизнь ужасающей после того, как я перестал быть ребенком? Наверное, да. Два из двух. Для начала.

Катурян. Человек-подушка был славным парнем, серьезным, думающим. Он ненавидел то, чем занимался. Ты его противоположность. Причем, Михал, во всех отношениях.

Михал. Хорошо, я знаю, что я противоположность со знаком «минус», но я

понимаю, к чему ты клонишь. Спасибо тебе. (Пауза.) «Человек-подушка» - это хороший рассказ, Катурян. Один из лучших у тебя. Когда-нибудь ты станешь знаменитым писателем, я верю в тебя. Господь тебя благословил. Я предвижу это.

Катурян. (пауза) Когда?

Михал. Чего?

Катурян. Когда я стану знаменитым?

Михал. Когда-нибудь, я же сказал.

Катурян. Они расстреляют нас через полтора часа.

Михал. Ах, да... Теперь ты уже никогда не станешь знаменитым.

Катурян. Они теперь все уничтожат. Они уничтожат нас, они уничтожат мои рассказы. Они все уничтожат.

Михал. Мне кажется, мы, прежде всего, должны думать о себе, а не о твоих рассказах, Катурян.

Катурян. Да-а?

Михал. Да. Это всего лишь бумага.

Катурян. (пауза) Всего лишь что?

Михал. Всего лишь бумага.

Катурян резко хватает Михала за волосы и лбом бьет о каменный пол. Обескураженный скорее поступком брата, чем болью, Михал ощупывает голову, видит кровь.

Катурян. Если сейчас они придут ко мне и скажут: «Мы уничтожим две вещи из трех: тебя, твоего брата или твои рассказы. Выбери», то сперва я отдам им тебя, потом себя, но сохраню свои рассказы.

Михал. Ты разбил мне голову.

Катурян. Я заметил.

Михал. (плачет) Ты разбил мне голову!

Катурян. Я уже сказал тебе, что я это заметил.

Михал. Ты сейчас похож на маму и папу.

Катурян. (смеясь) Повтори, что ты сказал?

Михал. Ты похож на маму и папу! Они точно так же били меня и кричали.

Катурян. Это я похож на маму и папу? Давай разберемся...

Михал. Не надо, не начинай...

Катурян. Мама и папа заперли своего первенца в комнате, где мучили его в течение долгих семи лет. Ты заставил мальчика истекать кровью, пока он не скончался. Ты заставил девочку глотать яблоки, пока она не умерла, Бог знает, кого еще ты заставил умирать... И при этом *ты* не похож на отца и мать, а я, слегка ударивший тебя, оказывается, похож на мать и на отца.

Михал. Да, именно. Так и есть.

Катурян. Я понимаю твою логику, Михал. Я вижу, откуда ты ее берешь.

Михал. Хорошо, молодец.

Катурян. Вот что я тебе скажу. Если бы мама и папа ожили, я уверен, они были бы счастливы: ты стал именно таким мальчиком, которым бы они гордились.

Михал. Замолчи...

Катурян. Да, гордились бы. Ты их точная копия. Почти копия. Тебе всего лишь не хватает козлиной бородки и очков, чтобы стать похожим на отца...

Михал. Замолчи!

Катурян. И горсти драгоценностей, чтобы быть похожей на маму. (старческим голосом) И ты будешь говорить вот так вот, мой дорогой сыночек...

Михал. Прекрати или я убью тебя.

Катурян. Ты не убьешь меня, Михал. *Мне уже давно не семь лет*, как этим

несчастливым деткам!

Михал. Я не такой, как они. Я не хотел никого убивать. Я всего лишь разыгрывал твои рассказы.

Катурян. Что ты сделал с третьим ребенком?

Михал. Нет, я тебе сейчас ничего не скажу. Мне и так больно. Голове больно.

Катурян. Ты быстренько все расскажешь, когда *они* тебя прижмут.

Михал. Я выдержу.

Катурян. Нет, этого ты не выдержишь.

Михал. (*тихо*) Ты даже представить себе не можешь, *что* я способен выдержать.

Катурян. (*пауза*) Да. Ты прав. Я вряд ли смогу понять.

Михал. Когда я сидел здесь и слушал, как ты кричал в соседней комнате, я думал о том, что, может, именно так прошло твоё детство. Дай мне сказать, мне виднее.

Катурян. Я знаю, брат.

Михал. Твои пытки длились ровно один час, и ты уже влетел ко мне в комнату, несчастный, больной и сопливый. А теперь попробуй помучаться так всю свою жизнь.

Катурян. Но это ничего не извиняет.

Михал. Это извиняет хотя бы то, что ты убил *двоих*. Почему это не может извинить меня за тех двух, которых я убил?

Катурян. Я убил двоих за то, что они мучили своего ребенка семь лет. Ты убил троих детишек, которые никого никогда не мучили. Вот в чем разница.

Михал. Откуда *ты* знаешь, мучили они или не мучили. Эта девочка с лезвиями в горле была та еще штучка. Она так орала.

Катурян. Как ты убил третьего ребенка? Говори, Михал! Я хочу знать. Тоже из какого-нибудь рассказа?

Михал. Ммм...

Катурян. Из какого рассказа?

Михал. Ты сойдешь с ума.

Катурян. Да не сойду я с ума.

Михал. Ну... немножко сойдешь.

Катурян. Так, из какого она рассказа?

Михал. Из... ну, понимаешь... она была похожа... на... «Маленького Иисуса». Да, на «Маленького Иисуса».

Несколько мгновений в полной тишине Катурян спокойно смотрит на Михала, затем закрывает лицо руками, и как только детали рассказа одна за другой начинают всплывать в его памяти, он начинает тихо плакать. Михал силится что-то сказать, но не может – Катурян уже рыдает в голос.

Катурян. Почему именно «Иисус»?

Михал. (*пожимает плечами*) Это очень хорошая история. Ты отличный писатель, Катурян. Даже не сомневайся, если услышишь другое мнение.

Катурян. (*пауза*) И где ты ее оставил?

Михал. Там, где ты похоронил папу и маму. В колодце.

Катурян. (*пауза*) Бедная глупая девочка.

Михал. Я знаю. Это было ужасно.

Катурян. Надеюсь, что быстро.

Михал. Мгновенно.

Катурян снова бросается в плач. Михал кладет руку на его плечо.

Не плачь, брат. Все будет хорошо.

Катурян. Как же будет хорошо? Как вообще может быть теперь все хорошо?

Михал. Не знаю. Ты сам так обычно говоришь в сложной ситуации! «Все будет хорошо». Хотя все совсем не будет хорошо. В любую минуту они могут прийти и расстрелять нас. Ведь правда? А это совсем не хорошо. Это даже почти что наоборот. Да уж. *(Пауза.)* Интересно, черт возьми, они казнят нас вместе или друг за другом? Хорошо, если вместе. Я бы не хотел в такую минуту быть один.

Катурян. Я *ничего* не сделал!

Михал. Слушай, даже не начинай. Не раздражай меня. И даже если они *не казнят* нас вместе, они похоронят нас вместе, в одной могиле, чтобы сэкономить на могильщиках. А я ужасно не хочу лежать в земле один. Это так страшно. Одному в земле, весь свой век, просто ужас! И уж точно, по крайней мере, мы соединимся на небесах, что бы ни случилось. Предстанем перед господом вместе. Давай, кто быстрее, а?

Катурян. В какую часть рая ты хочешь попасть, Михал? Там, где держат детоубийц?

Михал. Нет, не там, где держат детоубийц, жопа ты вонючая. В нормальном раю. Как в фильмах.

Катурян. Хочешь знать, куда ты попадешь после смерти?

Михал. Куда это? Только не говори мне сейчас ничего обидного, я вижу, ты в плохом настроении.

Катурян. Ты попадешь в маленькую комнатку в маленьком доме в маленьком-маленьком лесу, и весь оставшийся век ты будешь жить под надзором – но не под моим надзором, а хуже. Под надзором людей, похожих на маму и папу, они будут ухаживать за тобой именно так, как ухаживали за тобой твои родители. Но только на этот раз меня уже не будет рядом, чтобы вызволить тебя из беды. И знаешь почему? Потому что я буду совсем в другом месте, ведь я не мучил несчастных детишек.

Михал. Это самая обидная вещь, которую кто-либо кому-либо когда-либо говорил. Я больше вообще не хочу с тобой разговаривать.

Катурян. Хорошо. Давай просто посидим в тишине, пока они не придут за нами и не убьют нас.

Михал. Это самая обидная вещь, которую я когда-либо слышал! Я ведь *просил* не обижать меня. Я сказал: «Не говори мне ничего обидного», и что же ты наделал? Что ты сказал? Ты взял и специально сказал мне самые обидные слова, какие знал.

Катурян. Я просто очень люблю тебя.

Михал. *(пауза)* Что ты имеешь в виду под словом «просто»? Это еще более обидное слово. Хотя ты уже и так сказал мне самые обидные слова в моей жизни! О, господи!

Катурян. Давай посидим в тишине.

Михал. Я *попытался*. Но ты продолжаешь говорить мне гадости. *(пауза)* Скажешь, нет? *(пауза)* Нет, ты скажи? Разве это называется «посидеть в тишине»? Ну, хорошо.

Пауза. Михал начинает ковыряться в своей заднице. Пауза.

И, кстати, есть у меня еще одна шпилька, чтобы кольнуть тебя. Что это у тебя за дурацкий рассказ, который я тут недавно обнаружил? Совершенно дурацкий рассказ, «Писатель и брат писателя». Так называется. Это самая бредовая история, которую я читал в своей жизни.

Катурян. Я не давал тебе этот рассказ, Михал.

Михал. Я знаю, что ты мне его не давал. И очень правильно делал. Потому что он дерьмо.

Катурян. Ты копался в моих вещах, пока я был на работе, так что ли?

Михал. Конечно, я копался в твоих вещах, пока ты был на работе. А чем мне, на твой взгляд, заниматься, пока ты на работе?

Катурян. Резать детишек, я думаю.

Михал. Ха-ха! Ладно, ну так вот, в те самые моменты, когда я не резал детишек, я копался в твоих вещах. И среди них я нашел парочку задрипанных рассказиков с лживым финалом. Ты, Катурян, заканчивал их полнейшей галиматьей. Например, там было написано, что я якобы умер, а мать с отцом остались жить. Идиотский, подлейший финал.

Катурян. Джек-Потрошитель дает мне литературные советы!

Михал. Почему тебе бы не сделать там счастливый финал, каким он был в реальности?

Катурян. В реальности не бывает счастливых финалов.

Михал. Что ты болтаешь? Моя история завершилась счастливо. Пришел ты и спас меня, убив Мать и Отца. Это был счастливый финал.

Катурян. А что было дальше?

Михал. Дальше ты похоронил их в колодце, и залил их немного известиями.

Катурян. *Известью*, милый, *известью*. Не «известиями». Известью, известью – серой такой жижей... И что было дальше, а?

Михал. Что дальше? Потом ты отправил меня в школу и я начал учиться всяким хорошим предметам.

Катурян. А дальше?

Михал. Дальше... (*пауза*) Это когда я выиграл приз по метанию диска?

Катурян. А вспомни, что произошло с тобой три недели назад?

Михал. А, ты об этом. Я уколошил нескольких детишек.

Катурян. Ты уколошил нескольких детишек. Это можно назвать прекрасным финалом? Потом тебя схватили и сейчас собираются казнить, а вместе с тобой твоего брата, который ни в чем не повинен. Это что ли счастливый конец? И, наконец, что ты там мне втираешь про метание диска? Когда это ты выиграл приз? Ты был только *четвертым!*

Михал. Мы сейчас не об этом.

Катурян. Ты был только четвертым в этих чертовых соревнованиях! А ты говоришь: «Я выиграл»...

Михал. Мы сейчас не говорим о том, выиграл я или нет, мы говорим о том, какими бывают счастливые финалы. Я выиграл соревнование, вот счастливый конец! А я умер и стал прахом, как в твоей глупой истории, - это несчастливый конец!

Катурян. Это как раз *было бы* счастливым финалом.

Михал. (*готовясь заплакать*) Что? Если бы я умер и стал прахом, это было бы для тебя счастье?

Катурян. Вспомни: *что* было у тебя в руках, когда ты умер? Рассказ. Рассказ, который был лучше всех тех, которые я написал. Это был рассказ «Писатель и брат писателя»... Ты был писателем. А я был братом писателя. И для тебя это счастливый конец.

Михал. Но я был уже мертв.

Катурян. Это не про жизнь и смерть. Это о том, *что* ты оставляешь после себя.

Михал. Я не понимаю.

Катурян. Сейчас мне все равно, убьют они меня или нет. Мне, правда, все равно. Главное, чтобы они не уничтожили мои рассказы. Чтобы они не уничтожили мои рассказы. Это все, что у меня есть.

Михал. (*пауза*) У тебя есть я.

Катурян внимательно смотрит на него, потом печально опускает

глаза. Михал отворачивается, готов зарыдать.

Ну хорошо, давай все-таки договоримся. Ты поменяешь финал в «Писателе и брате писателя», оставишь меня в живых, маме и папе дашь умереть, а мне – возможность выиграть соревнование по метанию диска. Тогда все будет хорошо. Разумеется, ты должен сжечь старый вариант, чтобы его никто не увидел и не подумал про себя, что, может быть, этот вариант и есть настоящий и что я на самом деле мертв. Уж, пожалуйста, сожги.

Катурян. Хорошо, Михал, я сожгу.

Михал. Точно?

Катурян. Точно.

Михал. Ура. Ну вот и отлично. Все так просто. Вместе с ним ты можешь сжечь еще несколько своих рассказов, потому что некоторые из них, я не шучу сейчас, довольны слабые, на мой взгляд.

Катурян. А почему бы не сжечь их все, Михал? Очень много времени займет отделять слабые рассказы от сильных.

Михал. Нет, зачем, это будет глупо. Все взять и сжечь. Нет. Надо только те, которые заставляют людей выходить на улицу и убивать детишек. И, кстати, это не займет много времени отделить эти рассказы, которые *не* заставляют людей выходить и убивать детишек. Потому что таких у тебя только два – которые *не* заставляют людей выходить и убивать детишек.

Катурян. Серьезно?

Михал. Да.

Катурян. И какие же это? Какие из четырехсот ты хотел бы спасти?

Михал. Ну... конечно, первый из них – это история про маленького зеленого поросенка, очень милый рассказ. Точно никого не заставит идти убивать. Никого... и еще... (*пауза*) и... (*пауза*) Мне кажется, он именно об этом. Ну да. «Маленький зеленый поросенок».

Катурян. О чем об этом?

Михал. Ну. Он безопасен. У тебя на самом деле еще есть такие рассказы, которые могут заставить не то, чтобы выйти на улицу и *убивать* кого-то, ну а так... *покалечить*. А уж этот, «Маленький зеленый поросенок», совсем безопасен. Он может вдохновить разве что выйти на улицу и раскрасить кого-нибудь зеленой краской. Ха-ха-ха! Вот она о чем!

Катурян. Это было бы замечательно, если бы не факты. Для того, чтобы разыграть мои истории, ты выбрал три самые жестокие. Не первые три попавшиеся, а ты выбрал именно те три, которые пришлось по вкусу твоему извращенному детскому сознанию.

Михал. А что я сделал бы, если бы выбрал менее жестокие? Что? Поступил так же, как в «Облицовке»? Срезал бы у детишек кожу лица и спрятал ее в коробке под лестницей? Или так же, как ты это сделал в «Комнате Шекспира»? Старый Шекспир держит в коробке чернокожую карлицу и бьет ее палкой каждый раз, когда хочет писать новую пьесу...

Катурян. Он никогда не писал свои пьесы сам, чтоб ты знал.

Михал. Понимаешь, о чем я говорю, Катурян? Твои рассказы слабые. Ты не найдешь ни одного, который был бы по-настоящему сильным.

Катурян. Почему же ты все-таки взял «Маленького Иисуса»?

Михал. Что сделано - то сделано, Катурян, ничего не вернешь назад. Ни-че-го. И вообще я страшно устал и мечтаю поспать немного, хотя бы даже для того, чтобы отвлечься от моей попки, которая все еще чешется. Хотя на какое-то время я перестал это замечать.

Михал устраивается на матрасе.

Катурян. Будешь спать?

Михал. Угу.

Катурян. Они вот-вот войдут и поведут на казнь.

Михал. Вот, может быть, это и будет мой последний сон. (пауза) Последний сон, который я вообще когда-либо увижу. Может ли быть что-нибудь пострашнее? Я так люблю спать. Как ты думаешь, на небесах спят? Если нет, то я не пойду. (пауза) Катурян?

Катурян. Что?

Михал. Расскажи мне сказку.

Катурян. Кажется, ты хотел сжечь все мои рассказы.

Михал. Расскажи мне ту, про маленького зеленого поросенка. Эту сказку я не хочу сжигать, расскажи мне ее. И тогда я прощу тебя.

Катурян. Простишь за что?

Михал. Прощу за те обидные слова, которые ты сказал мне сегодня. Про маму и папу, которые будут оберегать меня всю жизнь в черном лесу и никто не придет спасти меня.

Катурян. (пауза) Я не помню, как начинается. «Маленький зеленый поросенок»

...

Михал. Ты все помнишь, Катурян, давай. Первым словом всегда должно быть «однажды», вторым «на», третьим «белом», о черт, а какое же четвертое слово?

Катурян. Ах ты маленькая грязная свинюшка...

Михал. А... «свете». Четвертое слово. Я вспомнил. «Однажды на белом свете»...

Катурян. Ну хорошо. Ложись поудобнее...

Михал устраивается поудобнее, подушку кладет под голову.

Однажды на белом свете...

Михал. Это такая сказка про старые времена. Старые *добрые* времена. Тогда были только такие истории...

Катурян. Однажды на белом свете, на ферме, в одной необычной стране, далеко от нас...

Михал. Очень далеко ...

Катурян. Жил маленький поросенок, который отличался от всех остальных поросят.

Михал. Он был зеленый.

Катурян. Так я буду рассказывать или ты?

Михал. Ты. Прости. Кладу пальчик на губы. Шшшш...

Катурян. Он отличался от других поросят, потому что был ярко зеленым. Таким зеленым, что даже светился в темноте.

Михал. Таким зеленым, что даже светился в темноте. Как знаки в железнодорожном туннеле. Таким, как знаки в туннеле, ну правда же?

Катурян. Да.

Михал. Да.

Катурян. Мы так и будем меня прерывать или все-таки будем слушать и постараемся заснуть?

Михал. Мы слушаем и стараемся заснуть.

Катурян. Хорошо. Маленький поросенок был зеленым-зеленым. Не то, чтобы он не любил цвет нормальных поросят, нет, ему всегда казалось, что быть розовым – это очень даже мило. Ему просто нравилось быть слегка другим, быть особенным. Но поросята не любили его за то, что он был зеленым. Они были мстительны, стращали его и превратили его жизнь в пытку...

Михал. Пытку...

Катурян. И все его жалобы только раздосаживали пастухов, и тогда они

решили...

Михал. Что такое «раздосаживали»? Прости, Катурян.

Катурян. А, понятно. Это значит, они раздражали их.

Михал. (зевая) А... Раздражали.

Катурян. Они раздражали пастухов, и тогда они решили: «С этим надо что-то делать». И одной ночью, когда свиньи спали на лугу, они подкрались, схватили маленького зеленого поросенка и бросили его в темный сарай. Зеленый поросенок громко визжал от страха, а все свиньи только и делали, что смеялись над его мучениями...

Михал. (тихо) Суки...

Катурян. Потом пастухи пришли снова и принесли огромную банку с розовой краской, открыли ее и окунули туда нашего поросенка с головой. Затем поросенка подвесили, чтобы он обсох. А надо заметить, что эта краска была особенной – она никогда не смывалась и на нее нельзя было положить другую краску. Она не смывалась и нельзя было ее закрасить. И тогда поросенок сказал: (пороссячим голосом) «Пожалуйста, господи боже ты мой, помоги мне, я не хочу быть таким, как все. Я был счастлив, когда хоть немного отличался от остальных».

Михал. «Я был счастлив, когда хоть немного отличался от остальных», - сказал он богу.

Катурян. Но было уже слишком поздно, краска засохла, пастухи выгнали поросенка обратно на луг, и все розовые свиньи смеялись над ним, когда он проковылял и сел на свое любимое место на травке. Он пытался понять, почему господь не внял его молитвам, но так и не мог догадаться. И тогда он горько заплакал и долго сидел абсолютно неподвижно, наблюдая за тем, как даже все те тысячи слез, которые он выплакал, не могут смыть эту ужасную розовую краску с его тела. А все потому что...

Михал. Она никогда не смывалась и ее нельзя было закрасить.

Катурян. Совершенно верно. И он заснул. В ту же ночь, когда свиньи вернулись к своим чудесным снам, над лугом собралась очень странная грозовая туча, которая тут же пролилась дождем, сперва мелким, а потом все сильнее и сильнее. Но это был не обычный дождь, это был специальный *зеленый дождь*, такой же густой, как краска, но не только в этом была его особенность. Капли этого чудесного дождя нельзя было смыть и их нельзя было перекрасить. Капли этого дождя никогда не смывались...

Катурян смотрит на Михала. Он уснул. Катурян продолжает шепотом.

...и их нельзя было перекрасить. Дождь кончился только к утру, и когда свиньи проснулись, они обнаружили, что все до одной стали ярко зелеными. Все до одной, кроме, конечно, нашего старого друга, маленького зеленого поросенка, который теперь был уже маленьким розовым поросенком. Разумеется, он так и остался розовым, потому что пастухи покрасили его в несмываемую краску. Несмываемую. (пауза) И когда он посмотрел на целое море зеленых поросят, окружавших его, а некоторые из них рыдали теперь как дети, он засмеялся и возблагодарил господа и провидение, ниспосланное ему. Потому что он знал, что теперь он снова, он снова хотя бы чуть-чуть отличается от всех остальных.

Пауза. Катурян прислушивается, глубоко ли спит Михал, нежно гладит его по голове.

Ты любишь эту историю, правда, Михал? (пауза) Ты очень ее любишь. Здесь нет отрезанных пальчиков... здесь нет лезвий... Здесь все кончается хорошо. (пауза) Лучше бы ты разыграл эту историю. (пауза) Но это не твоя вина,

Михал. Ты не виновен. (Пауза. Плачет.) Спи спокойно, смотри свои сны, мой маленький мальчик. Я скоро к тебе вернусь.

Катурян берет подушку и душит Михала. Тот начинает дергаться, и тогда Катурян садится на руки и грудь Михала, удерживая подушку у лица. Через минуту конвульсии Михала стихают. Еще через минуту он мертв. Как только Катурян убеждается в этом, он убирает подушку, целует Михала в губы, плачет и закрывает ему глаза. Идет к двери камеры, громко стучит в нее.

Охрана?! (пауза) Охрана?! Я готов признаться в убийстве шести человек.
(пауза) Но у меня есть одно условие. (пауза) Это касается моих рассказов.

Затемнение. Антракт.

Сцена вторая

Катурян рассказывает историю, которую тут же разыгрывают родители и маленькая девочка. Настоящих родителей и приемных родителей, которых играет одна пара актеров, можно отличить только по незначительным изменениям в костюмах.

Катурян. Однажды в стране, которая находится совсем неподалеку от нашей, жила маленькая девочка, и хотя добрые родители воспитали ее совсем не в религиозной строгости, ей с некоторых пор начало казаться, что именно она является вторым пришествием Господа нашего Иисуса Христа.

Девочка надевает бороду, которая выглядит очень неестественно на ее лице, и сандалии и начинает благословлять предметы рядом с ней.

Это было крайне странно для ребенка шести лет. Она стала носить небольшую бороду и ходила в сандалиях, благословляя все предметы, которые попадались ей под руку. Ее всегда можно было отыскать среди бродяг и бездомных нищих, пьяниц и наркоманов, одним словом среди всякого сброда, в компании которых, на взгляд ее мамы и папы, шестилетней девочке не следовало бы находиться. Всякий раз, когда ее уводили из злачных мест, она топала ногами, кричала и разбрасывала куклы по всей комнате, а когда родители хотели ее приструнить...

Родители. Иисус никогда не топал ногами, никогда не кричал и никогда не разбрасывал куклы по всей комнате...

Катурян. Она отвечала: «Это был ваш *старый* Иисус! Понятно?» И вот в один прекрасный день девочка исчезла, и целых два дня родители не могли отыскать ее, пока вдруг не раздался телефонный звонок от обескураженного священника, голос которого они слышали впервые. Священник сообщил им: «Вам лучше всего сейчас прийти в церковь. Ваша дочь здесь, у нас и доставляет нам массу хлопот. Это было несколько забавно поначалу, но теперь переходит все границы».

Свет на улыбающихся и счастливых лицах родителей начинает медленно гаснуть.

В тот момент родители ничего плохого даже не подозревали, они просто радовались, что дочь их жива и здорова, они выбежали на улицу, чтобы поспешить ее увидеть. Но в спешке попали под колеса рефрижератора, им снесло головы и они вознеслись на небеса.

Мощный свет направлен на лица родителей, которые заливают кровью.

Когда маленькая девочка услышала эту весть, одна маленькая слеза скатилась из ее глаза. Одна, и ни капель больше. Она стала думать о том, что бы сделал Иисус, если бы его родителям снесло головы в автокатастрофе. Ее дальнейшую судьбу решили власти, которые отправили девочку в густой лес жить у приемных родителей...

Входят злые приемные родители. Они держат девочку за руку и грубо с ней обращаются.

...но никто не захотел оповестить власти о том, что это были на самом деле

очень жестокие люди. Они ненавидели религию, они ненавидели Иисуса, они ненавидели всех и, в конечном итоге, они стали ненавидеть маленькую девочку.

Приемные родители срывают с девочки бороду и отбрасывают.

Она с легкостью переносила их ненависть, потому что у девочки было доброе сердце, и она прощала их пакости, но ее благородства приемные родители не могли оценить. Когда она настаивала на своих воскресных визитах в церковь, они прятали от нее сандалии, заставляя идти ее одну босиком по каменной дороге, где встречались кусочки разбитого стекла. Когда же она все-таки добиралась до церкви, она стояла там часами на коленях, моля Отца Небесного простить грехи своих приемных родителей, и все прихожане корили и стыдили ее за кровавые следы на церковном полу. Когда она возвращалась домой, ее били за опоздание, хотя ни о каком конкретном времени возвращения речи не шло. Ее били за то, что она делилась едой со своими бедными одноклассниками. Ее били за то, что она укрепляла дух несчастных детей-инвалидов. Ее били за то, что она ухаживала за прокаженными. Ее жизнь превратилась в постоянную муку, которую она принимала благодарно с улыбкой на лице, и только один случай заставил ее быть более строгой. В один прекрасный день она встретила на улице слепца, просящего подаяние у дороги...

Катурян изображает слепого человека. Девочка растирает его лицо пылью и плюет в пустые глазницы.

Она растерла его лицо придорожной пылью, собрала всю свою слюну и плюнула ему в глаза. Слепец заявил на нее в полицию, сказав, что девочка растерла его лицо пылью и плюнула ему в глаза, и когда приемные родители забрали ее из участка домой, они сказали ей...

Приемные родители. Так значит ты хочешь быть как Иисус?

Катурян. И она им ответила: «Когда-нибудь вы меня узрите!» (пауза) Они посмотрели на нее с большим изумлением. И тогда это началось.

Ужасающие детали, описываемые дальше, актеры повторяют на сцене.

Приемная мать нацепила на голову девочки терновый венец из колючей проволоки, потому что ей лень было свить венец из настоящего терна. А в это время приемный отец охаживал ее семижильной плеткой, и после часа или двух такой пытки, когда она уже начала терять сознание...

Приемные родители. Ты все еще хочешь быть, как Иисус?

Катурян. Сквозь слезы девочка отвечала им: «Да».

Приемные родители кладут тяжелый крест девочке на спину. Она делает с ним несколько шагов, подгибаясь от напряжения.

И тогда они заставили ее носить тяжелый деревянный крест по гостинной сотни раз туда и обратно, пока ее ноги перестали ее слушаться, а колени подгибались, и ей оставалось только молча наблюдать за тем, как ноги несли ее тело по кривой. И тогда родители сказали ей...

Приемные родители. Ты все еще хочешь быть, как Иисус?

Катурян. Она почти уже была готова им уступить, но перетерпела этот приступ трусости и, собрав всю волю в кулак, выпрямила спину и сказала, глядя им прямо в глаза: «Да».

Приемные родители распинают ее на кресте и устанавливают его на планшете.

И тогда они пригвоздили ее руки к кресту, повернули ноги на правую сторону, затем пригвоздили и их тоже, прислонили крест к стене и оставили девочку одну. А сами пошли смотреть телевизор, по которому в тот день показывали много интересных передач, и когда все они закончились, они выключили телевизор, заточили спицу и снова спросили у нее...

Приемные родители. Ты все еще хочешь быть, как Иисус?

Катурян. Маленькая девочка проглотила слезы, глубоко вздохнула и ответила им: «Нет. Я не хочу быть как Иисус. Я емь Иисус!» (пауза) И тогда родители проткнули спицей ее бок...

Делают так.

...и оставили умирать, а сами заснули крепким сном.

Голова девочка медленно покачивается, глаза закрыты. Сцену заполняет утренний свет, приемные родители возвращаются.

Рано утром к своему удивлению они обнаружили, что девочка еще жива...

Девочка медленно открывает глаза, кивает в знак приветствия. Родители аккуратно снимают ее с креста. Девочка дотрагивается до их лиц в знак того, что простила их. Они кладут девочку в стеклянный гроб и закрывают крышку.

...и тогда они сняли девочку с креста и похоронили ее заживо в маленьком гробу, где было еще столько воздуха, чтобы прожить ровно три дня...

Родители бросают землю на крышку гроба.

...последние звуки, которые услышала девочка, были слова ее приемных родителей, которые обращались к ней...

Приемные родители. Если ты Иисус, ты должна воскреснуть в три дня, не правда ли, доченька?

Катурян. Маленькая девочка немного задумалась, потом улыбнулась сама себе и прошептала: «Непременно. Непременно». (пауза) И стала ждать. Ждать. Ждать.

Свет льется на стеклянный гроб, девочка медленно начинает царапаться. Катурян подходит к гробу и открывает крышку.

Три дня спустя один человек, гуляя по лесу, неожиданно споткнулся о маленькую, еще свежую могилу, но поскольку был он безнадежно слеп, он просто прошел мимо. Он не услышал страшных звуков, доносившихся из-под земли. Он медленно исчезал в черном-черном мраке пустого, очень пустого леса, пока совсем не потерялся из виду.

Затемнение

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната для дознания в полицейском участке. Катурян поспешно сочиняет свое длинное признание. Протягивает первый лист сидящему за столом Тупольски. Ариэль стоит, курит.

Тупольски. «Я, нижеподписавшийся, частично признаю себя виновным в убийстве шести человек. Трех я прикончил сам, остальных трех убил я и мой брат, который реализовывал на деле ужасные и извращенные рассказы, которые я сочинял». Скобка, «прилагаются», скобка закрывается. *(пауза)* «Самое последнее мое убийство – это убийство моего брата Михала...» Да, благодарю вас, Катурян, мы сами об этом никогда бы не догадались. «Задушил его подушкой...» Так, так, так... Дальше... «спас его от пыток и мучительной смерти и убил его руками его же...» Да, да... Дальше тут пошла всякая фигня про то, как вы любили своего брата. Я вижу, как вы его любили. «Перед этим преступлением я убил немую девочку, примерно три дня назад. Я не знаю, как ее зовут. Она... была...»

Ариэль. *(пауза)* Она была что?

Тупольски. Все, страница кончилась.

Ариэль. Пиши быстрее.

Тупольски. Пиши быстрее. *(пауза)* Ты это называешь «быстрее»? Пиши быстрее. Еще быстрее.

Ариэль. Еще быстрее.

Тупольски. Еще быстрее.

Ариэль буквально сворачивает себе шею, пытается прочесть, что пишет в данный момент Катурян. Катурян инстинктивно закрывает листок бумаги рукой. Ариэль дает ему затрещину.

Ариэль. Ты тут не в школе на экзаменах.

Катурян. Простите...

Ариэль читает через плечо Катуряна.

Ариэль. «Убил, как написано в рассказе... «Маленький Иисус». Это какой «Маленький Иисус»? Я такого не помню...

Тупольски. Что?

Ариэль просматривает коробку с документами, находит рассказ «Маленький Иисус».

Ариэль. Он говорит, что они убили ее, как написано в рассказе «Маленький Иисус». Ты читал это?

Тупольски. *(ослабевая, печально)* Да. Я читал.

Ариэль читает рассказ про себя. Катурян бросает взгляд на Тупольски и замечает, как тот пристально наблюдает за ним. Смущается и протягивает ему второй лист признания, продолжает писать.

И где вы оставили ее тело?

Катурян. Я тут карту нарисовал. Сразу за нашим домом в лесу в Каменце есть колодец. В нем тело девочки, а под ним еще два трупа. Двое взрослых.

Тупольски. Что это еще за взрослые?

Катурян. Я как раз к этому подбираюсь.

Тупольски проверяет свой пистолет. Катурян замечает это движение, но продолжает писать.

Тупольски. (Ариэлю) Ну и что ты там начитал?

Ариэль. «Она носила бороду и ходила в сандалиях».

Тупольски. Ариэль, если мы читаем этот рассказ, чтобы выяснить, как ребенок погиб, то можно опустить подробности и сразу перейти к финалу, как тебе кажется?

Ариэль. Да, давай.

Тупольски. Так что... к черту терновый венец. К черту плетку. К черту «она носила распятие по комнате, пока ее ноги не перестали ее слушаться». К черту все подробности. (пауза) Я пойду прикажу судебным приставам достать тело.

Тупольски выходит с картой, нарисованной Катуряном. Ариэль дочитывает рассказ и начинает тихонько плакать. Катурян смотрит на него, затем возвращается к бумаге. Ариэль в изнеможении садится на стул.

Ариэль. Откуда берутся такие люди, как ты?

Катурян завершает писать на одном листе, протягивает Ариэлю, начинает другой. Ариэль читает законченный лист.

«Я держал мальчика, когда мой брат отрезал ему пальцы, как это написано в «Сказке о городе у реки». Прилагается. (пауза) «Я держал девочку, когда мой брат запихивал в нее яблочных человечков, внутри которых мы спрятали лезвия, как это было написано в рассказе «Яблочные человечки».

Прилагается. (пауза) Неужели ты веришь, что мы не сожжем твои рассказы в ту же минуту, как уничтожим тебя?

Катурян. Я во всем чистосердечно признался, как и обещал вам. И я хотел бы верить в то, что вы положите мои рассказы в отдельную коробку и обнаружите их спустя пятьдесят лет со дня моей смерти. Вы обещали мне это.

Ариэль. Что заставляет тебя верить в то, что мы сдержим наше слово?

Катурян. Потому что я, в глубине души, верю, что вы честные люди.

Ариэль. (встает, вскипая) В глубине души? Какой, твою мать, души?!

Катурян. Неужели вы снова станете бить меня после того, как я закончу? Я как раз подошел к той части, где я рассказываю об убийстве матери и отца.

Катурян продолжает писать. Ариэль закуривает сигарету.

Спасибо.

Ариэль. (пауза) Ты убил отца и мать?

Катурян кивает головой.

Хотя это глупый вопрос, конечно. За что хоть?

Катурян. Ну... У меня есть рассказ, он называется «Писатель и брат писателя». Не знаю, заметили ли вы его...

Ариэль. Читал.

Катурян. Тогда хорошо... Я ненавижу писать автобиографичные рассказы. Мне кажется, что люди, пишущие о том, что им известно, пишут о том, что им известно, потом что они чертовски глупы для того, чтобы что-то сочинить. Но «Писатель и брат писателя» - это, я уверяю вас, единственная моя история,

где нет ни слова вымысла.

Ариэль. Ого. (пауза) Сколько ему было лет? Когда они начали это делать.

Катурян. Ему было восемь. Мне семь.

Ариэль. И как долго это продолжалось?

Катурян. Семь лет.

Ариэль. И ты слышал звуки все эти годы?

Катурян. Я до самого конца не понимал, что они означают. Но я слышал их, да.

Ариэль. И потом ты убил их?

Катурян качает головой, протягивая Ариэлю последний завершённый лист.

Катурян. Я задушил их подушкой, потом схоронил тела в колодце за нашим домом. Колодец – это самое подходящее место. Неслучайно там же лежит тело немой девочки.

Ариэль идет в подсобную комнату, что-то там проверяет.

Ариэль. А ты знаешь, твой рассказ о детстве может быть засчитан в суде как неплохой аргумент в твою пользу. Разумеется, это случится при единственном условии: если мы захотим освободить тебя до суда и не застрелим через час.

Катурян. А я не хочу ни от чего освобождаться. Я только прошу вас сдержать ваше слово. Пожалуйста, убейте меня, но не трогайте мои рассказы.

Ариэль. Ну хорошо, на пятьдесят процентов ты нам можешь верить.

Катурян. Я верю вам.

Ариэль. Откуда ты знаешь, что мне можно верить?

Катурян. Не знаю. Что-то мне подсказывает. Не знаю, правда, что.

Ариэль. Правда? Что касается меня, тут я, пожалуй, могу тебе помочь. Что-то тебе подсказывает, что меня переполняет всепроникающая ненависть... ненависть... к таким, как ты. Которые не стоят даже мизинца... ребенка. Я проснулся сегодня с ней. Она заставила меня встать с кровати. Она ехала со мной в автобусе на работу. Она шептала мне: «Он не улизнет». Я пришел на работу очень рано. Я проверил, зачищены ли контакты и готовы ли электроды к работе... чтобы мы не теряли... ни... секунды. Да, увы, иногда мы вынуждены применять излишние меры воздействия. Даже бывает так, что мы применяем излишние меры воздействия на абсолютно не виновных людях. Но я скажу тебе другое. Когда эти абсолютно не виновные люди выходят из этой комнаты на волю, они даже помышлять не могут о том, чтобы просто даже повысить голос на маленького ребенка. В противном случае, они знают, что мы, черт возьми, услышим это и снова притащим их сюда для еще одной порции излишних мер воздействия. И наверное, тебе может показаться теперь, что подобное поведение полицейских сомнительно с точки зрения морали. Да, это черт тебя побери, именно так! Но знаешь что?! Мне насрать на это! Потому что, когда я стану стариком, знаешь что будет? Детишки будут бегать вокруг меня, они будут знать, кто я и что я для них сделал, они подарят мне конфеты – самое ценное, что у них есть, - в знак благодарности, и я возьму у них эти конфеты и теперь уже я стану благодарить их, и потом скажу им ласково, чтобы они поспешили домой к маме, и вот тогда я буду счастлив. Не потому, что мне дали конфет, на самом деле я их не люблю, но потому что я буду знать... я буду знать в моем сердце, что когда меня уже не будет здесь, они останутся, многие из них останутся. Поэтому я хороший полицейский. Не потому, что я могу расследовать все дела на свете – я на самом деле не всесилен, а потому, что я чего-то стою. Я стою чего-то. Я стою на верной стороне. Я, может быть, не прав, но я стою на правильной стороне. На

стороне детей. То есть на противоположном от тебя берегу. И поэтому, когда я слышу, что ребенка убили в стиле... в стиле твоего «Маленького Иисуса»... Знаешь что? Я готов замучить тебя до смерти только за одно то, что ты пишешь такие истории, как эта. Я даже не буду разбираться, кто их инсценирует! А, впрочем, знаешь что?

Ариэль вытаскивает из соседней комнаты огромную, мрачного вида установку с электродами.

...мне по хую, что делали твои отец и мать с тобой и твоим братом. По хую. Я бы и их замучил к ебням, если бы они только появились здесь, но сейчас я хочу помучить тебя. Потому что два минуса еще не дают плюс. Два минуса еще не дают плюс. Так что вставай-ка, дружок, на колени, а я пока потихоньку включу эту чертову машинку.

Катурян делает шаг назад.

Катурян. Умоляю вас, не надо...

Ариэль. Надо, надо, и именно сейчас, я сказал...

Возвращается Тупольски.

Тупольски. Что у вас тут происходит?

Ариэль. Да вот пытаюсь пристегнуть этого к батарее.

Тупольски. Господи, ну зачем?

Ариэль. Да мы тут поговорили...

Тупольски. О чем?

Ариэль. Ни о чем.

Тупольски. Ты снова начал свою волынку: «Когда я буду стареньким, детишки подойдут ко мне и подарят несколько конфет»? Так что ли?

Ариэль. Да пошел ты!

Тупольски. (поражен) Что?.. Сегодня уже дважды ты позволил себе...

Ариэль. (Катуряну) Слышишь, ты! На колени. Я ведь кажется уже попросил тебя один раз вежливо.

Катурян медленно подходит к Ариэлю. Тупольски садится за стол и наблюдает за их диалогом. Катурян встает на колени.

Катурян. А кто первый, Ариэль, заставил вас встать на колени? Ваша матушка или ваш отец?

Ариэль теряет самообладание. Тупольски от удивления открывает рот.

Тупольски. Охуеть.

Катурян. Мне почему-то кажется, что все-таки это был ваш отец.

Тупольски. Ариэль, ну неужели ты сейчас станешь рассказывать ему, что твой отец был полным дерьмом? О, господи!

Ариэль. Нет, Тупольски, я не скажу ему о том, что мой отец был полным дерьмом.

Тупольски. Да? Вот как. Дерьмом, дерьмом. Старым дерьмом.

Ариэль. (Тупольски) Слушай, заканчивай эту хрень, а? Кончай этот базар про мое трудное детство.

Тупольски. Да я вообще никого не трогаю. Ты сам носишься со своим

«трудным детством» как угорелый.

Ариэль. Я ни разу ни словом не обмолвился о моем трудном детстве. Я вообще никогда не использовал словосочетание «трудное детство» по отношению к моему детству.

Тупольски. А какое словосочетание ты использовал? Детство, в котором «тебя выебал твой отец»? Это даже не словосочетание, это целое предложение.

Ариэля начинает трясти.

Ариэль. Больше ничего не хочешь сообщить преступнику, а, Тупольски?

Тупольски. Я устал от всех вас. От всех, кто пытается своим заебанным детством оправдать свое заебанное настоящее. *Мой* отец был запойным алкоголиком и садистом. Неужели я теперь должен быть тоже запойным алкоголиком и садистом? Это возможно, но это будет мой *личный выбор*. Это будет мое свободное решение.

Ариэль. Мне бы хотелось сейчас все-таки приступить к пытке.

Тупольски. Приступи. А то заставляешь нашего гостя ждать.

Во время этой фразы Ариэль присоединяет электроды к телу Катуряна.

Ариэль. Сегодня ты перешел все границы, Тупольски.

Тупольски. Я сегодня, Ариэль, прочел насквозь исповедь заключенного, чтобы убедиться в том, что мы ничего не упустили в этой гнусной истории. Я выполнил свою работу. Я не мучаю осужденных просто ради того, что удовлетворить свои садистические фантазии о мщении.

Ариэль. Заткнись. Ты переходишь все границы.

Тупольски. Поспеши, дружище, давай помучай его еще, Ариэль. Мы все равно застрелим его через полчаса.

Ариэль присоединяет электроды к батарее.

Катурян. А где ваш отец, Ариэль?

Ариэль. Ни слова, Тупольски. Ни слова.

Тупольски. Я молчу. Я читаю его признание. Я делаю свою работу. Я тебе уже это говорил.

Катурян. Он в тюрьме?

Ариэль. И ты заткни свою пасть, извращенец.

Катурян. И что тогда? Вы меня немного помучаете и потом казните? *(Пауза.)* Он в тюрьме?

Ариэль. Шшшш... Не мешай, дай сосредоточиться.

Тупольски. Нет, он не в тюрьме.

Ариэль. Так, что я тебе только что сказал?

Катурян. Что же они, даже не арестовали его?

Тупольски. Они *не смогли* его арестовать.

Ариэль. Тупольски! Это для нас всех плохо закончиться... если ты будешь продолжать в том же духе.

Тупольски. У меня есть ужасное предчувствие, что ты прав.

Ариэль. Осталось только прицепить этот чертов электрод и тогда... чертов электрод и тогда...

Катурян. А почему они не смогли его арестовать?

Ариэль. Шшшшшш....

Катурян. Почему они не смогли его арестовать?

Ариэль справился с электродами и уже протянул руку, чтобы включить аппарат, как Тупольски, в самый последний момент, говорит следующую фразу.

Тупольски. Потому что Ариэль убил его. Я так думаю.

Ариэль начинает нервно, с дрожью в голосе смеяться. Он не успевает включить аппарат.

Хотя, конечно, это не было чистым убийством, правда? Скорее, самозащита, что несколько смягчает ответственность, это же ясно. Я назвал это убийством только для того, чтобы подразнить его. Понимаешь, даже я бы убил *собственного* отца, если бы он таскал меня к себе в постель каждую неделю с восьми лет. (Пауза.) Да... Он надвинул на его лицо подушку, когда тот спал. У вас много общего, как я погляжу, братцы.

Тупольски разглаживает на столе бумаги с признанием Катуряна.

Ариэль. (пауза) Я буду говорить об этом с комендантом, я сообщу ему о вашем поведении во время дознания. Этому следствию с самого начала не хватало ясности. С самого начала. Например, что это была тогда за фраза: «периферийное зрение»? Или как там? «Периферийное зрение нижней частью глаза»? Что это вообще такое? О чем вы болтали?

Тупольски. Привести в замешательство и дестабилизировать заключенного любым самым отчаянным бредом - этот метод записан в наших учебниках, Ариэль. А теперь я хотел бы продолжить свои вопросы нашему узнику - без помощи твоих дешевых фокусов с электрошоком. Так что будь любезен, Ариэль, освободи мистера Катуряна, если несложно. Я хочу, чтобы он сейчас сосредоточился.

Ариэль. А также я попрошу коменданта, чтобы он меня сделал ответственным за это следствие, потому что такое происходит не впервые. Комендант ценит меня, он давным-давно сказал, что нужно менять начальника. Вы получите хорошенький выговор, и тогда последним смеяться буду я. Я закручу в этой истории все гайки. Я буду тем, кто их, наконец, закрутит.

Тупольски. И каковы же будут твои первые гайки?

Ариэль. Я уже *начал* этим заниматься, когда ты вошел и *наговорил* нам всем гадостей. Моя первая гайка – это электрошок. Ясно?

Тупольски. А зачем тебе это?

Ариэль. Что зачем? Он убивал детей!

Тупольски. А теперь подумай. *Мои* первые гайки – это всего лишь несколько вопросов о деталях убийства немой девочки.

Ариэль. Ну... ну...

Тупольски. Мой первый вопрос: «Правда ли это, мистер Катурян?» Ну это такой формальный вопрос. «Правда ли это, мистер Катурян, что вы и ваш братец, согласно сюжету рассказа «Маленький Иисус», надели на голову несчастной девочки терновый венец?»

Катурян. Да, это правда.

Тупольски. Правда. Мой второй вопрос: «Это было до или после того, как вы исхлестали ее тело семижильной плеткой?»

Катурян. После.

Ариэль. Это все нам уже известно.

Тупольски. Мой третий вопрос: «Вы заставляли ее ходить с тяжелым деревянным крестом, на котором вы ее распяли?»

Катурян. Да, все было именно так.

Тупольски. Именно так. И, как я понимаю, в довершение ко всему вы прокололи спицей ее левый бок?

Катурян. Да, мы сделали и это. Мне очень стыдно.

Тупольски. И потом вы ее похоронили?

Катурян. Да.

Ариэль. Я же говорю, это все нам уже известно.

Тупольски. В рассказе написано, что девочку похоронили, когда она еще была жива. Вы закопали девочку живьем или к тому времени она уже была мертва?

Катурян. (пауза) Что?

Тупольски. Вы закопали девочку живьем или к тому времени она уже была мертва?

Катурян пытается найти слова, но не может.

Катурян. (тихо) Я не знаю.

Тупольски. Простите?

Катурян. Я не знаю.

Тупольски. Вы не знаете. Вы не знаете, похоронили ли вы ее живьем или она была уже мертва. Слышишь, Ариэль?! Раз уж ты собрался идти к коменданту, не мог бы ты заодно попросить наших ищеек поспешить на место преступления и раскопать немую девочку – вдруг она еще жива. Спасибо, мой милый.

Ариэль внимательно смотрит на него, затем резко выбегает из комнаты. Тупольски приближается к колленопреклоненному Катуряну и аппарату.

Как это вы можете не знать этого?

Катурян. Трудно сказать. Она не дышала – кажется, этого было достаточно. Мне *казалось*, что она мертва. *Казалось* мертвой. Неужели же вы думаете, что она жива? После всего этого?

Тупольски. Жива ли она? Осталась ли она жива после всего? Я не знаю. Я никогда не распинал детей на кресте и не хоронил их живыми в гробах. Я не знаю.

Тупольски вертит в руках провода от электрошокового аппарата. Катурян готовится к пытке. Тупольски снимает с него электроды и возвращается на свое место.

Я *предполагаю*, что она мертва. Я *предполагаю*. Но я не знаю твердо. Это мне пришло в голову, поэтому я и послал туда наших сотрудников. Все, что вы сказали мне, это то, что вы инсценировали рассказ «Маленький Иисус». Этого было бы достаточно для Ариэля. «Офицер, мы сделали это»... Опа!... Но мне этого не достаточно. Понимаете, Ариэль – это полицейский. Он поддерживает в стране полицейский порядок. Полицейские псы должны поддерживать полицейский порядок. Я – следователь. И иногда я люблю расследовать.

Катурян. Я уверен, что она мертва.

Тупольски. Но все-таки вы недостаточно уверены, как я погляжу. (Пауза.) Я, знаете ли, тоже написал один маленький рассказик. В нем я в общем-то отразил мой взгляд на мир, если хотите знать. Ну, нет... все-таки нет, на самом деле, конечно, это не итог. У меня вообще нет никакого взгляда на мир. Моя философия в том, что мир – это просто-напросто кусок дерьма. Это трудно назвать мировоззрением, так ведь? Или все-таки можно? Да...(Пауза.) Тем не менее, я написал рассказ и... ну хорошо, слушайте. Нет, конечно, если это не мой взгляд на мир, то уж точно здесь вы увидите мои взгляды на

профессию детектива. Я высказался вполне определенно о влиянии детективной работы на мир в целом. Да, именно так. А почему вы до сих пор на коленях?

Катурян. Не знаю даже.

Тупольски. Идиотский вид.

Катурян. Да.

Тупольски указывает Катуряну на стул. Катурян снимает с себя последний электрод и садится на стул.

Тупольски. Так вы хотите услышать мой рассказ?

Катурян. Да.

Тупольски. Хотя вы же не могли сейчас сказать «нет», правда?

Катурян. Нет.

Тупольски. Нет. Ну что же, эта история называется... Как там? Называется... «История о глухом мальчике. На больших и длинных железнодорожных рельсах. В Китае». (Пауза.) А?

Катурян. Что?

Тупольски. Неужели же вам кажется, что это хороший заголовок?

Катурян. Мне *кажется*, это хороший заголовок.

Тупольски. (пауза) А что вы думаете на самом деле? Я даю вам полное право быть абсолютно честным со мной, даже если ваше мнение меня ранит.

Катурян. На самом деле я думаю, что это, наверное, самый чудовищный заголовок из всех, что я слышал. В нем две точки. В заголовке не может быть двух точек. На самом деле в нем не должно быть и *одной* точки. Этот заголовок – это просто нонсенс.

Тупольски. (пауза) А что если, мой заголовок обогнал свое время...

Катурян. Возможно. Возможно, все ужасные заголовки *обогнали* свое время. Может быть, это даже новация.

Тупольски. Может быть.

Катурян. Но я все равно считаю, что это чудовищный заголовок.

Тупольски. Это я уже понял! Я беру назад свое разрешение на правду – радуйтесь лучше, что избежали сейчас пощечины. (Пауза.) Хорошо. Господи, ну как же там начинается?

Катурян. Что-то типа... Глухой мальчик, большие длинные железнодорожные рельсы... (Пауза.) Простите.

Тупольски. (пауза) Ну да ладно. Ну вот так. Однажды жил этот... маленький глухой мальчик, он не слышал ровным счетом ничего, как это обычно бывает у всех глухих мальчиков. А, ну да, дело-то происходило в Китае, поэтому это был маленький китайский глухой мальчик. Я даже не знаю, почему мне захотелось, чтобы все происходило в Китае. Ну вот, как-то так, да. Не знаю, мне всегда интересно было наблюдать за маленькими китайчиками, они ведь такие забавные. (Смеется.) Ну в общем, как-то раз он шел домой откуда-то однажды, и он шел по железнодорожным рельсам, которые уходили далеко-далеко за горизонт, по равнине, по китайской равнине, это понятно, да? Нет ни деревца, ничего нет, только эта чертова равнина, и он идет по рельсам, он как бы слегка не в себе, ну, этот маленький мальчик, ну он был слегка безумен, и в общем этот маленький сумасшедший китайский глухой мальчик, ну, типа он же был глухой и он шел по этим чертовым железнодорожным рельсам. Это же чертовски опасно! А что если поезд промчится, выскочит прямо на него? Он же ни черта не слышит, его же раздавят к чертовой матери! Ну он же типа больной... Ну вот так вот, и этот сумасшедший маленький китайский глухой мальчик шел себе шел домой по большим длинным железнодорожным рельсам и вот угадайте, что было дальше? Огромный поезд на большой скорости уже приближается к нему, он за спиной у этого мальчика. Но

поскольку рельсы так длинны, а поезд еще все-таки далеко от мальчика, он не сразу его сбивает, но такое ощущение, что *вот-вот* собьет. Поезд мчится по рельсам так быстро, что даже если водитель локомотива успеет заметить его, все равно нет никакой надежды на то, что они не встретятся. И, понимаете, в этот момент на ребенка жалко смотреть. Ну он такой, ну как эти все такие малышки, такой малюсенький миленький китайчонок. Волосы ершиком, видели? Вспоминаете, да? А водитель вообще его не видит. Но, тем не менее, ребенок *виден*. А знаете, кто видит ребенка? Там, в миле отсюда, если по рельсам идти в ту сторону, в которую идет ребенок, стоит такая странная древняя башня, ну примерно где-то сто футов в высоту, и на самом верху это башни живет один странный древний старик, такой странный китайский старик, с длиннющими китайскими усищами, ну знаете, такой еще узкоглазый – (*изображает китайца*) синь чунь суй – и еще в такой маленькой смешной шапчонке. Одни считали его мудрецом, другие – мерзким старикашкой-отшельником, ну просто потому что он живет на самом верху этой дебильной башни. Ни одному человеку в округе не удавалось поговорить с ним в течение многих-многих лет. Люди даже не были до конца уверены, жив он еще или уже умер. Но все-таки он был живым – иначе бы я не рассказывал сейчас эту историю. И вот он там наверху башни, занят математическими расчетами, какой-то фигней, чертит там всякие чертежи, рисует рисунки, делает открытия и все в таком роде, ну, или вроде вещей, которые еще никто не изобрел, и еще есть у него миллион всяких листочков – они висят у него на стенах, а многие просто разбросаны по комнате и вот в этом вся его жизнь, такая вот. Он выше всего мирского. Эти чертежи, эти расчеты – это все, что его на самом деле беспокоит. И вот он смотрит из своего окна и видит, как в миле от него, уже в полмиле от него, идет маленький глухой мальчик, и еще через две мили или там через три за его спиной мчится с грохотом поезд. Этот старик тут же оценил ситуацию, очень верно оценил: «Вот по железнодорожным рельсам идет маленький глухой мальчик. Этот маленький глухой мальчик даже не слышит, как за его спиной грохочет поезд. Сейчас этого маленького глухого мальчика просто раздавят». И вот...

Катурян. А как он узнал, что мальчик глухой?

Тупольски. (*пауза*) А?

Катурян. Как он узнал, что мальчик глухой?

Тупольски. (*задумался, пауза*) Он увидел слуховой аппарат!

Катурян улыбается, кивает головой. Тупольски облегченно выдыхает.

Мальчик вытащил его из сумки!.. И вот он видит глухого ребенка и видит поезд, но он не бежит вниз по лестнице, чтобы помочь мальчику, как на его месте сделали бы нормальные люди, хотя он и мог бы успеть предупредить, если захотел бы. Что же он делает вместо этого? А ничего! Ничего не делает, возвращается к своим расчетам, к листку бумаги, чтобы только себя позабавить, делает расчеты, как я понимаю, связанные со скоростью поезда, длиной рельс и скоростью, с которой шли ноги мальчика, расчеты о том, в какой точке этот поезд вмажется в эту чертову маленькую спину маленького глухого идиота. А, тем временем, мальчик продолжает движение, ничего не подозревая, поезд грохочет все слышнее, приближаясь все ближе и ближе к нему, и мальчик уже где-то в тридцати ярдах от подножия башни, где старик завершил свои расчеты и только что понял, что поезд раздавит мальчика ровно *в десяти ярдах* от подножия его башни. *Десять ярдов* от подножия башни. И старик, уже крепко заскучавший, не видя никакого интереса в происходящем, легким движением руки превращает листок с расчетами в бумажный самолетик, запускает его через окно и снова с жадностью кидается к

своей работе, тут же позабыв о бедном глухом маленьком мальчике. (Пауза.) За *одиннадцать ярдов* до подножия башни маленький глухой мальчик прыгает, чтобы схватить бумажный самолетик. И поезд с грохотом мчится за его спиной.

Катурян улыбается.

Катурян. Да, очень недурно.

Тупольски. «Очень недурно». Да это лучше, чем вся ваша груда мусора! «Сто и один способ уделать пятилетнего ребенка».

Катурян. Нет, это не лучше, чем все мои рассказы, но это действительно очень недурно.

Тупольски. Извините, а разве я снова разрешил вам высказываться? Мой рассказ лучше, чем все ваши.

Катурян. Хорошо. И еще раз спасибо вам, что вы обещали спасти мои недостойные тексты.

Тупольски. Хм....

Катурян. (пауза) Но все же, как эта история суммирует ваши взгляды на мир? Ну или, как вы говорили, ваш взгляд на профессию детектива?

Тупольски. Ах, так вы не поняли... (с гордостью) Ну смотрите, мудрый старик, понимаете, - это я. Он сидит высоко в своей башне, целый день, он производит расчеты, его ничто не связывает с его коллегами. А маленький глухой сумасшедший мальчик – это мой коллега, мой напарник, ясно? Он приходит, безразличный ко всему, он не знает даже, откуда может приехать паровоз, но я-то знаю, откуда он приедет, и только благодаря моим расчетам, только благодаря тому, что я вовремя кинул ему бумажный самолетик, я спас этого идиота от поезда, я спас моего дорогого друга от напасти и не услышал от него ни слова благодарности за мою помощь. Маленький глухой мальчик лишен чувства благодарности к старику, вот ведь что. Он всего лишь играет со своим долбаным самолетиком. Но это совсем не значит, что я не нуждаюсь в благодарности. Все, что мне нужно, это знать, что именно оттого, что я тружусь в поте лица как талантливый детектив, маленький мальчик будет спасен от паровоза. (Пауза.) Правда, в твоём случае я должен разыскивать мерзкого машиниста, который уже раздавил бедного маленького придурка и потом повернул обратно, чтобы додавить всех его ровесников.

Катурян. (пауза) Получается что, старик *предполагал*, что глухой мальчик поймает самолетик?

Тупольски. Да.

Катурян. А...

Тупольски. А вы разве так этого и не поняли?

Катурян. Нет. Мне показалось, что мальчик случайно схватил его, это была случайность.

Тупольски. Нет. Старик хотел спасти мальчика. Поэтому он бросил самолетик.

Катурян. Ага.

Тупольски. Он мастер бросать самолетики. Он во всем мастер.

Катурян. Зачем он тогда отошел от окна, словно ему не интересно?

Тупольски. Ну нет. Это другое. Он отвернулся от окна потому, что он был мастером бросать самолетики. Ему даже *не нужно* было смотреть, долетит ли он до цели. Он подумал только: «О.... маленький больной мальчик... Они все обожают бумажные самолетики. Он обязательно схватит его и спрыгнет с рельс». (Пауза.) Так стало понятней?

Катурян. Мне кажется, это можно сделать понятней.

Тупольски качает головой, раздумывая, затем приходит в себя,

осознавая свое неоспоримое превосходство.

Я знаю, как это можно сделать понятней...

Тупольски. Молчать! Мне не нужен литературный консультант.

Катурян. Да нет же, я просто пытаюсь...

Тупольски. *Вы* могли бы сделать понятней, если бы сказали, жива или мертва была маленькая девочка, которую вы замучили три дня назад и засунули в землю! Я думаю, что *много* бы прояснилось. И, наверное, я бы смог сделать вам понятней - а я сейчас очень зол, – если бы сказал вам, что собираюсь сжечь ваши рассказы, даже не взирая на те обещания, которые я дал.

Тупольски берет пачку рассказов и спички.

Сделать понятней?

Катурян. Умоляю, Тупольски. Ваш рассказ был действительно очень хорош.

Тупольски. Мой рассказ лучше, чем все ваши рассказы.

Катурян. Ваш рассказ лучше, чем все мои рассказы.

Тупольски. И всем без исключения понятно, что старик хотел именно спасти глухого мальчика.

Катурян. Кристально ясно.

Тупольски. *(пауза)* Я знаю, почему тебе не понравилось. Маленький глухой мальчик в финале все-таки не сдох!

Катурян. Мне, *правда*, понравилось, Тупольски. Не надо ничего делать. Не надо жечь мои рассказы, не надо. Мне, правда, понравилась ваша история. Я был бы счастлив, если бы ее написал я. Честно.

Тупольски. *(пауза)* Да?

Катурян. Да.

Пауза. Тупольски спокойно кладет рассказы на место.

Тупольски. Я не сожгу эти рассказы. Я человек слова. Если партнер держит свое слово, я держу свое.

Катурян. Я знаю. Я уважаю вас. Я понимаю, что вам все равно, уважаю я вас или нет, но даже не взирая на это, я скажу, что уважаю вас.

Тупольски. Ну хорошо, а я уважаю вас за ваше уважение. А вам, кстати, не кажется странным, чего это мы с вами выбрали такой благодушный тон? Мне даже теперь немного стыдно от того, что я должен прострелить вам голову через двадцать минут.

Тупольски улыбается. Катурян впервые всерьез задумывается о факте своей смерти.

Катурян. Ммм...

Улыбка покидает уста Тупольски. Пауза.

Тупольски. Нет, я, конечно... Некоторые ваши рассказы весьма любопытны. Некоторые мне просто нравятся.

Катурян. Какие, например?

Тупольски. *(пауза)* Я оставил у себя один рассказ, «Человек-подушка», так что ли он называется... В нем есть что-то доброе. *(Пауза.)* Мне близка эта идея. Если ребенок гибнет в детстве, то в этот момент он на самом деле не одинок. Рядом с ним есть кто-то добрый, мягкий, кто протянет руку, кто-то такой... И все-таки смерть - это выбор ребенка, что бы там ни говорили. В этом есть какое-то успокоение. Да. Это не бессмысленная трагедия.

Катурян. *(кивает головой. Пауза)* Вы потеряли своего ребенка?

Тупольски. *(пауза)* В отличие от старины Ариэля, я не вступаю в интимные беседы с заключенными.

Катурян кивает головой. Грустная пауза.

Сын утонул. *(Пауза.)* Пошел один на рыбалку. *(Пауза.)* Глупо.

Катурян кивает головой. Тупольски уносит электрошоковый аппарат в подсобную комнату.

Катурян. Что будет со мной дальше?

Тупольски. Сперва мы вернемся к разговору о мертвой девочке...

Тупольски приносит черный мешок из подсобной комнаты, демонстрирует его весьма артистично, спереди и сзади, как фокусник.

...оденем на тебя этот мешок, проведем в соседнюю камеру и выстрелим тебе в голову. *(Пауза.)* Господи, что я несу? Нет, конечно. Мы проведем тебя в соседнюю камеру, *затем* наденем на тебя мешок, *затем* выстрелим тебе в голову. Ведь если мы наденем на тебя мешок *до* того, как проведем тебя в камеру, ты еще, не дай бог, ударишься обо что-нибудь, поранишься.

Катурян. А почему в соседнюю камеру? Почему не здесь?

Тупольски. В соседней камере нам будет легче тебя пришить.

Катурян. *(пауза)* Вы сделаете это без предупреждения, ну я имею в виду, совершенно без предупреждения, или все-таки дадите мне минуту, чтобы помолиться, сказать последнее слово?

Тупольски. Ну... сперва я спою тебе песенку о маленькой лошадке, а потом Ариэль покажет нам своего «ежика». Понимаешь, у него есть такой специальный карательный «ежик». И вот в тот момент, когда «ежик» уже будет в руках Ариэля, тебе останется времени – от тринадцати секунд до двадцати семи. Это зависит от размера «ежика». *(Пауза.)* Если бы я захотел сделать это без предупреждения, я бы, наверное, не стал *говорить* тебе, что я хочу это сделать без предупреждения. Так? Господи, боже ты мой! Вы одаренный писатель, кроме того талантливый киллер, незаурядный психопат, но для такого резюме вы все-таки чудовищно тупоумны! *(Пауза.)* С того момента, как мы водрузим мешок на твоей голове, в твоём распоряжении останется десять секунд. Готовь короткую молитву!

Катурян. Благодарю вас.

Тупольски. Какой вопрос! Обращайся!

Тупольски бросает черный мешок на стол прямо перед носом Катуряна. Пауза.

Катурян. Я только хотел немного подумать о моем брате.

Тупольски. Да?... О брате, неужели? Не о тех трех малышках, которых ты загубил, а всего лишь о брате.

Катурян. Да, все верно. Не о тех трех детишках, которых я загубил, а о моем брате.

Дверь открывается, и входит Ариэль, онемевший от крайнего изумления, с очень бледным лицом. Медленно подходит к Катуряну.

Тупольски. Нашли ее?

Ариэль дотрагивается до Катуряна, уже успевшего испугаться. Хватает Катуряна за волосы, откидывает его голову назад, спокойно глядит ему в глаза.

Ариэль. *(тихо)* Что же ты за человек, черт тебя побери? Я просто хочу знать, что же, черт побери, ты за человек!

Катурян не отвечает. Ариэль отпускает его и медленно идет к двери.

Тупольски. Ариэль?

Ариэль. А...

Тупольски. Вы нашли ее?

Ариэль. Да, мы нашли ее.

Тупольски. Она мертва?

Ариэль у двери.

Ариэль. Нет.

Катурян в ужасе хватается руками за голову.

Тупольски. Она все еще жива?

Ариэль подзывает кого-то за дверью. Входит немая девочка, ее лицо расплывается в блаженной улыбке, ей около восьми лет, ее лицо, волосы, одежда, ботинки окрашены в зеленый цвет. Приветствует Катуряна и Тупольски на языке жестов.

Ариэль. Они нашли ее у колодца, в игрушечном домике. Вместе с ней были три поросенка. У них там было всего вдоволь – еда, питье. Ну и свиньи, конечно. Ребенок в этой каморке провел три счастливых дня. Правда, Мария?

Ариэль показывает девочке жестами: «Ты счастлива?» Улыбаясь, она отвечает ему довольно подробно.

Она сказала: «да», она очень счастлива и спрашивает, может ли забрать поросят домой? *(Пауза.)* Я сказал ей, что спрошу у тебя разрешения.

Тупольски в оцепенении смотрит на них. Пауза.

Я сказал ей, что спрошу у тебя про поросят.

Тупольски. Что? А. Да, конечно, она может забрать их.

Ариэль показывает ей два больших пальца вверх. Она начинает прыгать от счастья, пронзительно визжа. Катурян старается улыбнуться.

Ариэль. Да, да, только, пожалуйста, отмойте ее и поскорее доставьте к родителям. Они беспокоятся о ней.

Ариэль берет девочку за руку, она радостно прощается со всеми, и они уходят. Лица Тупольски и Катуряна одновременно поворачиваются от двери и сходятся взглядами. Через мгновение

тихо входит Ариэль и закрывает дверь за собой.

Рядом с ней нашли большую банку с краской, ну знаешь, такая... она светится в темноте, ее еще используют в тоннелях. Там множество отпечатков, но нужны ли они нам теперь? В колодце нашли скелеты родителей - там, где он и сказал. Понимаешь, что у нас происходит? Он признался в убийстве двух человек, о которых мы ничего не знаем, и он признался в убийстве девочки, которую на самом деле никто не убивал.

Тупольски. Почему?

Ариэль. Почему? Ты спрашиваешь меня почему?

Тупольски. Да, спрашиваю.

Ариэль. Ну и ну. Знаешь что, Тупольски? Ты начальник, вот ты *иди* и разбирайся!

Тупольски. Значит, так. Это последнее нарушение субординации, Ариэль, которое я готов от тебя сегодня вытерпеть.

Ариэль. Да, конечно, я понял.

Тупольски. В любом случае комендант с тебя взыщет за все это.

Ариэль. Ты, кажется, не слишком рад тому, что девочка жива! У нас получается, что только *наш* придурок рад тому, что девочка жива! А ты расстроился: конечно, твое наскоро сфабрикованное дельце начинает рассыпаться!

Тупольски ищет в папке с рассказами нужную историю.

Тупольски. Абсолютно очевидно, что девочка была покрашена и помещена в домик с поросятами для того, что разыграть...

Ариэль. Разыграть «Зеленого поросенка»! Блестяще, Тупольски. Ты допер до этого сам. По зеленой краске или по пороссятам?! И вот теперь вопрос: зачем? Почему они не убили ее? И почему он нам сказал, что убил ее?

Тупольски. Тише, дай я прочту, и, может быть, найду ключ к разгадке.

Ариэль. (*смеется*) Да мы вообще-то его можем сами спросить об этом!

Тупольски. Я читаю, замолчи!

Ариэль. (*Катуряну*) Ты можешь разъяснить нам, почему немая девочка оказалась жива?

Катурян. (*пауза*) Нет. Нет, я не могу. Но я страшно рад, что она жива. Я ужасно рад.

Ариэль. Я верю, что ты рад за нее. Я верю, что ты рад за нее. Я верю, что ты даже больше рад за нее, чем за *него*. Я задал тебе совсем другой вопрос, основанный на некоторых моих подозрениях, которые я только что получил, а я получил только что сразу несколько поводов к самым серьезным подозрениям! И я думаю, что мистер Тупольски, его *детективное высочество*, сейчас порвет меня на хрен! Вот тот еврейский мальчик, чьи пальчики ты отрезал, отчего он и умер от потери крови... Какого цвета были его волосы?

Катурян. Что?

Ариэль. Какого цвета были его волосы?

Катурян. Он был брюнет. Темноватые волосы.

Ариэль. «Он был брюнет». Отлично. Разумеется, если это был еврейский мальчик, то «он был брюнет». Превосходно. Ну так вот, чтобы ты знал, сволочь, мама его родилась в Ирландии, и он был похож на рыжего ирландского сеттера! Может быть, тебя еще спросить что-нибудь о девочке, которую нашли на пустоши?

Катурян. Нет.

Ариэль. Нет. Потому что ты не убивал этих детей. Так?

Катурян. Нет.

Ариэль. Ты даже никогда в глаза их не видел, не так ли?

Катурян. Нет.

Ариэль. Ты просил брата убивать их?

Катурян. Я ничего не знал об убийствах до сегодняшнего дня.

Ариэль. Твоих родителей тоже убил твой брат?

Катурян. Я убил наших родителей.

Ариэль. Единственное убийство, которое мы можем точно записать на твой счет, это убийство твоего брата. Принимая во внимание смягчающие обстоятельства, я сомневаюсь в том, что ты будешь за это казнен. А факт убийства родителей еще надо доказывать от начала и до конца...

Катурян. Я убил своих родителей. *(Пауза.)* Я убил своих родителей.

Ариэль. Верю, что ты это сделал. *(Пауза.)* Но ты не убивал детей, правда ведь?

Катурян трясет низко опущенной головой.

Ты свидетель, Тупольски.

Ариэль закуривает. Тупольски, каким-то чудом вновь обретая свое привычное спокойствие, садится.

Тупольски. Отличная работа, Ариэль.

Ариэль. Спасибо, Тупольски.

Тупольски. И, кстати говоря, я очень рад, что девочка жива. Я просто не дал эмоциям выйти наружу. Вот и все.

Ариэль. Ну, да, да. Конечно.

Тупольски. Конечно? *(Пауза.)* Хм..... Ну, хорошо, только для того чтобы удовлетворить мое любопытство. Почему же вы, мистер Катурян, признались в этих трех убийствах, если вы знали, что вслед за этим последует расстрел?

Катурян. Вы знаете, что я убил Михала. Когда вы нашли третьего ребенка, вы обнаружили убитых мною родителей. Я полагал, что если я соглашусь на все, чего вы от меня ждете, я по крайней мере спасу свои рассказы. Я надеялся хотя бы на это. *(Пауза.)* Я хотя бы на это надеялся.

Тупольски. Ммммда... Не стыдно?

Катурян. За что стыдно?

Тупольски. Наши обещания сохранить ваши рассказы были даны вам в обмен на ваше чистосердечное признание, как этого требует наш печальный бизнес. Теперь же из того, что вы нам сейчас говорите, раз вы не убивали детей, а так же из-за вонючей зеленой краски, которой заляпан весь пол, совершенно очевидно выходит, что ваше признание вовсе не было чистосердечным. Соответственно, если ваше признание не было чистосердечным, то ваши рассказы должны быть сожжены.

Тупольски берет мусорное ведро, выливает туда бензин для зажигалок, достает спички.

Катурян. Надеюсь, вы это сейчас сказали не всерьез.

Тупольски. Вот ваш мешок. Наденьте его, пожалуйста. Мы сейчас запалим костерок.

Катурян. Ариэль, умоляю вас...

Тупольски. Ариэль? Ответь мне как честный человек, мы обещали не сжигать эти рассказы, если признание будет чистосердечным?

Ариэль. О господи, Тупольски...

Тупольски. Мы обещали не сжигать рассказы, если его признание будет чистосердечным? Да или нет?

Ариэль. Да, именно так и было.

Тупольски. А он сознался в убийстве еврейского мальчика, которого на самом деле не совершал.

Ариэль. Да, точно.

Тупольски. Он ведь сознался в убийстве девочки лезвиями от бритвы, которого на самом деле не совершал?

Ариэль. Да, сознался.

Тупольски. Он ведь сознался в убийстве зеленого ребенка, который даже не был убит?

Ариэль. Да, он сознался в этом.

Тупольски. Можем ли мы, согласно нашему неоспоримому праву, как люди чести, сжечь все рассказы мистера Катуряна?

Катурян. Ариэль...

Ариэль. *(печально)* Это наше неоспоримое право.

Тупольски. Это наше неоспоримое право. Здесь около четырехсот рассказов, и если мы присовокупим сюда несколько копий из «*Либертада*», где опубликован еще один его рассказ, это и будет полное собрание сочинений Катуряна К. Катуряна. Все, что он написал за свою жизнь.

Тупольски взвешивает пачку рассказов на своей руке.

Считай, что это уже пепел. Вот думаю, плеснуть еще немного бензина или опасно? Боюсь сгореть заживо.

Катурян. Ариэль, пожалуйста...

Тупольски. Наденьте мешок, я устал повторять.

Тупольски зажигает огонь в мусорном ведре, все еще держа пачку бумаг в руке.

Катурян. Ариэль!!!

Тупольски. *(пауза)* Ариэль?

Ариэль. *(пауза)* Я знаю, что во всем случившемся нет твоей вины. Я знаю, ты не убивал детей. Я знаю, что ты не хотел убивать брата, и я знаю, что ты убил своих родителей по справедливости, и мне очень жаль тебя, я страшно переживаю за тебя, и этого я не говорил ни одному из тех, кто бывал у нас здесь. Но к концу этого дня я понял главное: прежде всего, я ненавижу эти твои рассказы. Понимаешь?

Ариэль забирает рассказы у Тупольски.

Тебе лучше надеть мешок.

Катурян собирается надеть мешок, но останавливается.

Катурян. Вы говорили, что проведете меня в соседнюю комнату и там наденете мешок.

Тупольски. Нет, нет, мы застрелим тебя прямо здесь. Я пошутил. Встань на колени, а то еще забрызгаешь мне костюм.

Катурян. Но вы дадите мне десять секунд после того, как я надену мешок? Или вы и здесь пошутили?

Тупольски. Эээ...

Ариэль. Мы дадим тебе десять секунд.

Тупольски. Мы дадим тебе десять секунд. Я шучу, конечно. Шучу.

Катурян встает на колени. Тупольски достает пистолет и взводит курок. Катурян печально смотрит на Ариэля.

Катурян. Я был хорошим писателем. (Пауза.) Это единственное, кем я хотел бы быть. (Пауза.) И я был. Я был.

Тупольски. «Был» - здесь ключевое слово.

Катурян. (пауза) Да. «Был» - здесь ключевое слово.

Катурян надевает мешок. Тупольски прицеливается.

Тупольски. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре...

Тупольски стреляет в голову Катуряна. Он падает на пол, умирает, кровь медленно вытекает из-под мешка.

Ариэль. Господи, зачем ты это сделал?

Тупольски. Что зачем?

Ариэль. Ты сказал, что дашь ему десять секунд. Это было невежливо с твоей стороны.

Тупольски. Ариэль, а что вообще вежливого *может* быть в убийстве человека, который стоит перед тобой на коленях с мешком на голове?

Ариэль. Все равно.

Тупольски. Послушай, хватит ныть. Хватит на сегодняшний день. Что с тобой происходит? Мы раскрыли сложнейшее дело, как бы ты к нему не относишься? Правда ведь?

Ариэль. Да, мне кажется, что да.

Тупольски. Когда тебе стукнет семьдесят, дети принесут тебе еще больше конфеток.

Ариэль вздыхает.

Послушай, кончай эту писанину, вычисти камеру и сожги рассказы. Хорошо? Я пойду поговорю с родителями немой девочки, предупрежу о поросятах.

Тупольски выходит. Ариэль выливает еще немного бензина в огонь, берет пачку бумаг и долго смотрит на нее. Мертвый Катурян медленно встает на ноги, снимает мешок с окровавленной головы, смотрит на Ариэля, который сидит за столом, и начинает говорить.

Катурян. В те семь с тремя четвертями секунд, которые ему дали перед смертью, Катурян Катурян придумал свою последнюю историю вместо того, чтобы молиться о брате. Все, что он успел за это время, правильнее было бы назвать сноской к рассказу, но все же эта была важная сноска...

Михал появляется в луче света, бьющего снизу, прислоняется к косяку двери.

Счастливого, здорового мальчика по имени Михал Катурян накануне той ночи, когда родители должны были начать его мучить семь последующих лет, посетил один человек, весь состоящий из розовеньких подушечек, который улыбался во весь свой пухлый рот. Человек сел подле Михала и заговорил с ним. Он рассказал ему о его тяжелой жизни, с которой он будет вынужден мириться в будущем, и о том, как он может разом покончить с ней, а также

спасти от неминуемой смерти на холодном тюремном полу своего единственного, любимого брата. Человек посоветовал Михалу, что будет лучше, если он уйдет вместе с ним из дома и тем самым избежит кошмара для обоих. И тогда Михал сказал...

Михал. Но если я сейчас предпочту уйти сам, мой брат никогда не услышит моих страданий, ведь правда?

Катурян. «Нет, не услышит», - сказал ему Человек-подушка.

Михал. Но если мой брат никогда не услышит моих страданий, он никогда не напишет тех рассказов, которые он уже научился писать, ведь правда?

Катурян. «И это правда», - сказал ему Человек-подушка. И тогда Михал немного задумался и сказал...

Михал. Мне кажется, мы должны истории дать шанс развиваться так, как она должна развиваться: меня должны мучить, а он должен слышать мои крики, потому что сейчас мне уже кажется, что я всем сердцем люблю эти рассказы. Мне кажется, я буду обожать их всю мою жизнь.

Свет, сосредоточившийся на Михале, гаснет.

Катурян. Эта история должна завершиться в весьма модных сегодня мрачных тонах, когда Михал проходит сквозь все свои мучения, когда Катурян пишет свои рассказы только лишь для того, чтобы они сгорели в корзине для бумаг и были стерты с лица земли по прихоти полицейской ищейки. История *может* завершиться таким способом – коротким; она попросту окончится пистолетным выстрелом, который мгновенно вышибет мозги Катуряна, за одну-две секунды. А может быть, будет лучше, если она закончится не совсем так, потому что это было бы неправильно. По причинам, о которых знает лишь только он один, полицейская ищейка в последнюю минуту решит все-таки не бросать рассказы в горящую корзину, но аккуратно положит их в папку Катуряна и спрячет ее до поры до времени, чтобы снова напомнить о ней людям через пятьдесят долгих лет.

Ариэль кладет рассказы в контейнер.

Это факт несколько осветляет смерть героя в весьма модных сегодня мрачных тонах. И так или иначе... так или иначе... приводит вещи в согласие с их духом, а нас - к ощущению справедливости.

Ариэль заливает водой костер в корзине, в этот момент свет очень медленно начинает гаснуть.

Конец.

Контакты переводчика:

Руднев Павел

+ 7 (495) 3631079раб

+ 7 (903) 5222489

pavelrudnev@mtu-net.ru, rudnev@meyerhold.ru